Повороты судьбы

Автор:
Эми Сью Натан

Повороты судьбы

Эми Сью Натан

В поисках утраченного счастья

Бывшая королева красоты открывает секреты прошлого в трогательном романе о судьбе и выборе.

Летом 1951 года все казалось простым и понятным. Тогда Бетти Штерн была восемнадцатилетней красавицей, работавшей на курорте у бабушки и дедушки. Впереди ее ждала целая, уже заранее спланированная, жизнь: колледж в Нью-Йорке, успешная карьера. Но так хотелось в последний раз насладиться чудесным летом, влюбиться по уши и принять участие в ежегодном конкурсе красоты.

Сейчас Бетти, теперь известной как Буп, восемьдесят четыре года. И до сих пор решения, принятые тем далеким летом, все еще влияют на нее. Когда внучка обращается к Буп за помощью, ей приходится заново пережить события своей молодости.

Эми Сью Натан

Повороты судьбы

Amy Sue Nathan

THE LAST BATHING BEAUTY

© Amy Nathan Gropper, 2020

© Ковалева Е., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Посвящается

Элейн Букбиндер

и

Шарлин Кляйн

Это не Атлантик-Сити Запада, как ошибочно утверждают амбициозные писатели. Эти два города несравнимы и, вероятно, никогда не смогут сравниться. Это все тот же Саут-Хейвен, который очаровал так много тысяч людей в прошлом и надеется очаровать столько же тысяч в будущем. Не приезжайте в Саут-Хейвен с мыслью найти Кони-Айленд или Атлантик-Сити, потому что вы будете разочарованы. Если вы ищете идеальное место, чтобы провести неделю, месяц или год разумно и рационально, тогда приезжайте в Саут-Хейвен, это именно то самое место.

«Живописный Мичиган», брошюра 1913 года, автор неизвестен.

Саут-Хейвен, штат Мичиган

Пролог

Бетти

Сентябрь 1951

Любая другая невеста, возможно, посмотрела бы в зеркало, затем отошла в сторону и оглянулась через плечо, чтобы бросить на себя еще один взгляд. Но только не Бетти. За сегодняшний день она ни разу не взглянула на себя в зеркало и вообще всю неделю избегала сталкиваться глазами со своим отражением. Она знала, что девушка по ту сторону зеркала не была ею. Бетти Клэр Штерн больше не существовало. Ей хотелось сказать, что она умерла, но Бетти помнила о своей репутации любительницы переигрывать.

Осторожно примостившись на подоконнике и подмяв под себя слой хрустящего кринолина, Бетти осмотрела свою комнату. Выполненная в розовых тонах с цветочным узором, комната идеально подходила для взросления, игр с подругами и уединения. Кусочек пляжа Норт-Бич и озера Мичиган, на которые выходили окна, тоже были идеальными. Она повернулась, посмотрела в окно на запад и вздохнула.

Уже завтра озеро Мичиган останется на востоке, а ее спальня, которую она никогда не видела, и в которой скорее всего не будет розовых букетов, сможет похвастаться лишь видом на клочок травы или крыльцо. Бетти собиралась переехать из Мичигана в Иллинойс, из Саут-Хейвена, расположенного на озере, в пригородный городок Скоки.

По большому счету, это было не так уж далеко. Всего несколько часов езды на машине.

Но будет ли у нее машина?

Бетти приподняла волосы, уложенные в локоны на затылке, и обмахнулась. Она вдохнула через нос, поджала губы и шумно выдохнула. Капельки пота выступили на лбу. Если бы она промокнула их или вытерла, то испортила бы толстый слой матовой пудры, поэтому она наклонилась вперед, и легкий бриз

коснулся ее лица, освежая и высушивая влагу. Воздух охладил кожу Бетти, и внезапно она ощутила озноб.

Это всего лишь предсвадебный мандраж. Согласно «Дамскому журналу по домоводству», нормальное явление. И разве Бетти не стремилась к нормальной жизни?

Нервы – совсем не то же самое, что сомнения.

По берегу озера, широко размахивая руками, прогуливался мужчина. Его рубашка была выправлена поверх шорт. На секунду сердце Бетти в надежде заколотилось, но тут же успокоилось, возобновив свое ровное биение. Сегодня не могло быть никаких нежданных посетителей. Никакой спонтанной поездки, прогулки или рожка мороженого. Этот день был идеально спланирован, начиная с ее платья и заканчивая гостями, цветами и едой. Ей следовало перестать мечтать и строить предположения. Парень на пляже казался странным – беззаботным и расслабленным. Скорее всего он искал оброненные монеты. Нет, вероятно, он собирал на пляже кусочки морского стекла для своей возлюбленной, как это делали приезжие в течение всего лета.

На протяжении всей жизни эти сокровища ожидали Бетти прямо за дверью. Иногда она собирала их. Иногда не замечала. Но они были в пределах досягаемости. Бетти собралась было покинуть свою комнату и отправиться на поиски этих сокровищ, на мгновение забыв, что сегодня выходит замуж.

С таким же успехом это пляжное стекло могло находиться на Луне.

Отвернувшись от окна, Бетти прижала руки к груди, пытаясь успокоить колотящееся сердце. Где бы она ни жила или куда бы ни поехала, ее сердце навсегда останется в Саут-Хейвене, где она определяла время по закатам, отслеживала миграцию птиц и уровень дождя. С семи лет она чистила морковь на кухне семейного курорта и научилась пользоваться гладильным прессом, когда ей было двенадцать.

Бетти привыкла к календарю, состоявшему только из летних месяцев и мертвого сезона. Ей всегда нравилось, как со Дня поминовения до Дня труда население города увеличивалось с шести до тридцати тысяч. Лето превращало ее скромный городок на берегу озера в «Катскилл Среднего Запада». Она очень

гордилась, когда этот рекламный лозунг напечатали большими ярко-желтыми буквами на брошюре летнего курорта Штерна «Лучшее место для семейного отдыха в Саут-Хейвене». Но она любила и межсезонье – безмятежность осени и уединение зимы, – когда все внимание бабушки и дедушки было приковано к ней. Особенности Саут-Хейвена были так же привычны Бетти, как ее голубые глаза.

Бетти оглядела рассыпанные по тюлю жемчужины, которые бабушка пришила к верхнему слою ее свадебного платья длиной до середины икры. Они блестели и переливались в солнечных лучах, словно песчинки. Платье было идеально подогнано и превосходно подчеркивало ее фигуру. Тем не менее, не это планировали ее бабушка и дедушка для своей единственной внучки.

Все равно, бабушка заказала лучший материал у своей подруги, портнихи из Чикаго, а затем в рекордно короткие сроки сшила платье без выкройки. Если бы у Бетти было время, которое при данных обстоятельствах становилось роскошью, она выбрала бы именно это платье. Она почти могла представить себя просматривающей последние журналы свадебной моды в компании Джорджии и Дорис и указывающей на это платье как на «то самое». Она уже решила, что будет рассказывать именно такую историю об этом свадебном платье.

На самом деле все было по-другому. В течение трех недель, до конца лета, бабушка занималась только шитьем и вышиванием бисером, пренебрегая своими обязанностями хозяйки курортного комплекса. И все это время, зажав в зубах портновские булавки, она бормотала на смеси идиша и английского о своих проблемах, о своих цурис[1 - Цурис (идиш. tsuris) – «заморочки»; неприятности, проблемы.].

Бетти просила ее не утруждаться шитьем платья. Она купила бы что-нибудь красивое в универмаге «Лемон». Но бабушка не позволила бы своей внучке выйти замуж в шмата[2 - Шмата (идиш. shmata) – тряпка.] с вешалки. Что сказали бы люди?

Бетти провела руками по бедрам, скрытым пышной юбкой в сборку длиной чуть ниже колен. Платье было довольно длинным, чтобы считаться скромным, но достаточно коротким, чтобы показать ее подтянутые икры – результат летних занятий ритмической гимнастикой, необходимости носить в прачечную кучи белья и танцев на пляже с подругами после наступления темноты. Она поджала

губы, прогоняя из головы непрошеные мысли. Бетти коснулась выреза, который спускался чуть ниже золотого медальона у нее на шее. Его ей подарил дедушка, как проявление надежды, что ее будущее «будет таким же блистательным», сказал он. Бетти понимала, что его подарок был своего рода утешением, но прагматичный Зейде никогда не сказал бы ничего плохого, чтобы не искушать судьбу еще больше. Бетти задумалась, мог ли медальон стать для нее «чем-то новым».

– Тук-тук. – Дверь открылась, и вошла Джорджия с таким видом, будто участвовала в спектакле одного актера. Ее волосы были завиты и уложены в модную пышную прическу – Джорджия терпеть не могла такие. А Бетти любила хороший начес, и никогда не смогла бы забыть эту жертву своей подруги ради моды и дружбы.

– Поверить не могу, что ты здесь, – воскликнула Бетти.

– Я бы ни за что не пропустила такое событие. – Джорджия пожала плечами. – К тому же сегодня воскресенье. Занятий нет. Я приехала вчера и привезла это. – Она покрутилась и остановилась как утомленная балерина, танцующая на музыкальной шкатулке.

Ее платье без рукавов, длиной чуть ниже колен, было изысканным и чудесно облегало изгибы. Жёлтый, как кукуруза в початках, цвет подчеркивал ее золотисто-медные волосы и оттенял янтарные искорки в зеленых глазах. Даже веснушки на носу Джорджии, казалось, сверкали. И неважно, что платье больше подходило для лета, чем для осени. Она могла бы надеть комбинезон или белые теннисные туфли, Бетти было бы все равно.

– Ты выглядишь прекрасно. Ты же знаешь, что тебе не положено превосходить невесту по красоте.

– Да брось, Бетти, не будь смешной! Ты просто сногсшибательна. – Джорджия схватила Бетти за руку и закружила ее словно партнершу в танце, пока Бетти не остановилась. – У тебя будет замечательная жизнь. Я это знаю, – сказала Джорджия. – И Дорис тоже так думает, а она в таких вещах разбирается. Она жутко расстроилась, что не смогла взять выходной.

Бетти закашлялась и внезапно разрыдалась. В горле запершило, словно она наелась песка, и Бетти представила, как ее тушь растекается, капая на платье черными горошинами. Она вытерла слезы пальцами, но тут Джорджия достала из своего атласного, цвета слоновой кости клатча сложенный носовой платок и протянула его подруге. Бетти промокнула под глазами, после чего Джорджия усадила ее на одну из одинаковых кроватей, на которых они часто оставались ночевать.

– Ты скоро увидишься с Дорис. Как только переедешь в Скоки, то будешь совсем недалеко от нее.

Бетти покачала головой.

– Ты ведь не поэтому расстроена? – Джорджия обняла Бетти за плечи. – У тебя все будет хорошо. Ты приняла правильное решение.

– Так ли это? – ахнула Бетти. – Может, мне еще не поздно поступить в колледж? Я могла бы сказать, что планы изменились, попросить отсрочку. Как думаешь, они бы меня еще приняли? Я могла бы последовать своему первоначальному плану.

Или, по крайней мере, новому варианту ее первоначального плана.

– Ты правда этого хочешь? Гости уже начинают прибывать.

Даже Джорджия не хотела слышать о ее сомнениях. Бетти хранила свои истинные чувства глубоко в сердце, где они тревожили только ее. Она повертела в руках обручальное кольцо с бриллиантом в один карат, еще не привыкнув ни к его весу на пальце, ни к сверканию…

В коридоре раздались шаги. И в комнату вошла бабушка. Четыре фута одиннадцать дюймов никогда еще не выглядели такими высокими.

Джорджия встала и послала Бетти воздушный поцелуй.

В дверь позвонили.

– Все должны были зайти с обратной стороны во внутренний дворик. Так было указано в приглашениях, – сказала бабушка. – Джорджия, не могла бы ты открыть дверь и перенаправить гостей? Я знаю, что их всего дюжина или около того, но я не хочу, чтобы они все бродили по дому.

– Конечно, миссис Штерн. – Она наклонилась и прошептала Бетти на ухо. – У тебя все будет хорошо. Все будет прекрасно. Как всегда.

Близость должна была успокоить ее, но уверенность ее лучшей подруги нервировала. «Прекрасно», как понимала Бетти, было понятием субъективным. Джорджия в своих атласных босоножках цвета слоновой кости неторопливо удалилась, ее икры оставались подтянутыми после лета, проведенного за игрой в теннис. Она оставила дверь открытой.

– Дай мне на тебя посмотреть. – Бабушка взмахнула руками, чтобы Бетти встала. – Повернись.

Бетти не повернулась. Она просто стояла, выпрямив спину и расправив плечи. Благодаря атласным туфлям-лодочкам на трехдюймовых каблуках она возвышалась над бабушкой, и это было единственным преимуществом Бетти. Пусть даже призрачным.

Бабушка не собиралась терпеть упрямство Бетти. Одетая в платье королевского синего цвета, которое она сшила сама, с фетровой шляпкой в тон, украшенной сбоку маленькими белыми перьями – этот наряд она надевала на выпускной вечер Бетти в мае, – бабушка быстро, но нежно оттащила внучку от окна к овальному позолоченному зеркалу, которое висело над комодом. Бетти, Джорджия и Дорис всегда воображали, что это волшебное зеркало из сказки «Белоснежка», даже когда были слишком маленькими и не доставали до него.

– Ты прекрасна, – вздохнула бабушка, приглаживая волосы Бетти спереди, что было излишним, учитывая, что их уже залили лаком. Но мягкое прикосновение бабушкиных рук заставило Бетти закрыть глаза и пожелать, чтобы, когда она их откроет, снова был июнь, и она смогла бы заново пережить лето. Глупая мысль, просто девичья прихоть, но еще одна не повредила бы.

Бабушка достала из кармана маленькую красную ленточку, завязала ее крошечным, как кончик мизинца, бантиком, а затем вытащила из своей шляпки

булавку. Одним быстрым движением она отодвинула вырез свадебного платья Бетти и приколола красную ленту к бретельке бюстгальтера.

– Не думаю, что тебе нужно защищать меня от дурного глаза, – сказала Бетти.

– Кинехора, кинехора, пу-пу-пу[3 - Кинехора, Кинехора, пу-пу-пу (идиш. Kinehora, kinehora, poo-poo-poo) – еврейское суеверие, традиция отгонять злых духов. Подобно русскому «постучать по дереву» или «плюнуть через левое плечо».], – бабушка бормотала слова на идише и издавала звуки, которые отогнали бы злых духов, пришедших украсть удачу Бетти. – Ты же знаешь, что если все идет хорошо, и мы забудем сказать «кинехора», то случится что-то плохое.

– Я знаю.

– Каждая невеста прикалывает красную ленту. Так ты выглядишь несовершенной для злых духов. Это дополнительная защита.

– Бабушка…

– Сегодня все увидят лишь прекрасную девушку в красивом платье, которая выходит замуж за привлекательного парня.

Бетти закатила глаза.

– Ладно, он не такой красивый. Но красота не всегда важна.

Бетти отвернулась, лето наступало ей на пятки, побуждая бежать.

– Я больше не уверена, что хочу этого.

– Открою тебе секрет. Я жутко волновалась перед свадьбой с Зейде.

– Не может быть!

– Да. Я уезжала от своих родителей. От всего, что знала. Замужество – это совершенно новый образ жизни, и я понятия не имела, смогу ли в нем преуспеть.

Понравится ли мне оно – прошептала бабушка. – Но, если расскажешь Зейде, я буду все отрицать.

Бетти улыбнулась, комок в горле стал меньше.

– Мандраж пройдет, и у тебя будет муж, с которым ты сможешь построить свою жизнь. – Бабушка приподняла указательным пальцем подбородок Бетти. – Ты очень счастливая девушка. – Она прочистила горло, и ее тихий, строгий голос лишился хриплых ноток. – И знаешь, что еще?

– Что?

– Ему тоже повезло.

Бетти сглотнула, заморгав так быстро, как колибри хлопает крыльями. Но, даже несмотря на попытку бабушки, взяв за руку, успокоить ее, они уже начали отдаляться друг от друга.

Глава 1

Буп

Лето 2017

Буп Пек все пересмотрела в поисках своей любимой помады. Ее не было ни в ванной, ни в сумочке, ни в спальне, ни в кармане. Буп передернуло от такой несправедливости: она помнила свой первый номер телефона –359J – но не местонахождение помады, которой красилась вчера. Или это было позавчера? Она огляделась по сторонам и снова похлопала себя по карманам. Ничего. Пропавшая помада – еще, конечно же, не конец света. Пусть даже «Пунцовую розу», ее любимый цвет, сняли с производства.

Бог с ней, с помадой.

Скоро приедут девчонки. Нет, скоро прибудут дамы. Буп усмехнулась. «Дамы» звучало напыщенно, скучно и неправильно. Даже в восемьдесят четыре Буп и ее подруги всегда останутся девчонками и уж точно никогда не будут скучными.

В ванной комнате Буп взглянула в зеркало на свое отражение на фоне цветочной занавески для душа. Волосы, которым она позволила поседеть под бдительным оком и умелой рукой своего чикагского парикмахера, потеряли большую часть своей упругости, но оставались слегка волнистыми. В прошлом году она подстригла их в боб длиной до подбородка. Буп заправила волосы за уши. Она совсем не походила на ту девчонку, которая выросла здесь, в те времена, когда все звали ее Бетти. Когда она была Бетти.

Буп повертела головой из стороны в сторону. В прежние времена ее волосы касались бы щек. Марвину не понравилась бы эта стрижка, но он никогда не обращал внимания на морщины на ее лбу или щеках, которые она любила покрывать румянами.

Вот уже три года она была вдовой. Перестанет ли она когда-нибудь задаваться вопросами о том, что подумал бы Марвин?

Буп полагала, что ее элегантность и чувство стиля со временем, подобно вину, стали только лучше. Многие годы она смешивала богемную боббэ[4 - Боббэ (идиш. bubbe) – бабуля, бабушка.] с пляжным шиком. Когда ее внучки, Ханна и Эмма, были подростками, они окрестили ее стиль «Буп-шик».

У женщины, отражавшейся в зеркале, был особый стиль.

А когда приедут девчонки, у нее появится еще и смысл жизни.

* * *

Буп надела мягкую желтую рубашку-платье из искусственного шелка с рукавами длиной до запястий, украшенных серебряными браслетами. И тут ее осенило – может быть, звон металлических украшений каким-то образом повлиял на нее – и место, куда она положила «Пунцовую розу», всплыло в памяти, словно ждало приглашения. Помада Буп покоилась вместе с мелочью в небольшой белой чаше «Ленокс», когда-то принадлежавшей ее бабушке.

Накрасив губы, Буп спустилась вниз, к окну, и натянула рукава пониже, защищаясь от прохлады позднего мая. Она наклонила голову и заметила стаю чаек, отдыхавшую на сверкающей поверхности озера Мичиган. «Мое озеро». Они выглядели так, будто кто-то объявил заседание открытым. Птицы заскучали? Или они знали, что с наступлением выходных на День поминовения приедут отдыхающие, а вместе с ними появится обилие крошек и корок?

Буп потерла руки, безуспешно пытаясь их согреть. Было время, когда она не обратила бы внимания на холод и, сняв с себя свитер и бросив его на полу, выскочила бы за дверь, позволив той с грохотом захлопнуться, хотя Буп была хорошо воспитана. Она сбросила бы туфли, если была в них, и побежала бы на пляж, пиная ногами песок так высоко, что он оказался бы у нее в волосах.

Буп не могла вспомнить, когда последний раз гуляла по пляжу, не говоря уже о том, чтобы что-то пинать, и это не имело никакого отношения к ее памяти.

С тростью жутко неудобно гулять по песку.

* * *

Из кухни донесся пронзительный звонок стационарного телефона Буп. К тому времени, как она добралась до единственной телефонной трубки, которая была прикреплена к стене с шестидесятых годов, телефон перестал звонить. Перезвонят.

Буп устроилась за кухонным столом, посмотрела на часы. Спальни подготовлены: свежее постельное белье, новые полотенца и пучки сушеной лаванды, перевязанные фиолетовой лентой. Она открыла окна, чтобы дом освежил легкий ветерок. И все же, времени на безделье не было. Буп прикинула, что у нее есть минут пятнадцать-двадцать до приезда девочек, как раз достаточно, чтобы сварить кофе без кофеина и приготовить послеобеденный перекус. Она наполнила вазу маргаритками, любимыми цветами Дорис, и достала украшенные вышивкой тканевые салфетки, которые обычно приберегала для праздников. Ведь это событие казалось почти торжеством, которого у нее давно не было. Она достала из холодильника несколько кексов с черникой и выставила на стол покрытые шоколадом фрукты и орехи, которые любила Джорджия.

В тот момент скрипнула входная дверь, и Буп, собравшись с мыслями, бросила приготовление угощений и поспешила поприветствовать своих подруг, радуясь, что они спланировали свои рейсы так, чтобы вернуться домой одновременно. Сердце Буп забилось от радостного волнения. Чем они займутся в первую очередь? Поедят? Поболтают? Распакуют вещи? Все вышеперечисленное! Прошло много лет с тех пор, как они собирались втроем в Саут-Хейвене – без посторонних.

– Уже иду, – крикнула Буп. – Вы рано!

– Буп?

Этот голос принадлежал не Джорджии. И не Дорис.

У нее была лишь пара секунд, чтобы изменить свои ожидания, и затем Буп увидела, как ее внучка, Ханна, входит в гостиную. В одной руке она держала серую спортивную сумку, а в другой – фиолетовые альстромерии, завернутые в целлофан. Улыбка тронула губы Буп. Она обожала фиолетовые цветы, и Ханна об этом знала.

Но с появлением Ханны – и спортивная сумка явно свидетельствовала не о краткосрочном визите – всем планам суждено было измениться. Буп не могла попросить Ханну уехать. Ей придется подстроиться. Она всегда так делала.

– Привет! – Ханна с любовью крепко обняла Буп, когда та раскрыла объятия внучке. Ханна положила голову на плечо Буп, прижавшись к ней. На глаза Буп навернулись слезы. Она не видела Ханну около двух месяцев. Именно этого ей и не хватало – обычных объятий. Мысль об этом согрела ей сердце.

– Это ведь незапланированный визит? – спросила Буп. – Я ведь не знала, что ты приедешь?

– Нет, я хотела сделать тебе сюрприз. Надеюсь, ты не против.

Ханна отступила назад. Ее джинсы низко сидели на бедрах, а ширинка была намеренно расстегнута. Ткань на коленях разорвана – модный стиль, который Буп даже не пыталась понять и которому не стремилась подражать. Волосы

Ханны были перекинуты через плечо, словно собраны в хвост, но без резинки. На лице девушки ни капли косметики, и все же она была красавицей – большие карие глаза, безупречная кожа.

Ханна положила руку на плечо Буп, провела ее на кухню и усадила за стол. Затем открыла нужный шкафчик, достала вазу, наполнила ее водой и поставила цветы. Она установила вазу на стол, устроилась напротив Буп и, облокотившись на стол, улыбнулась.

Как же сильно Буп любила эту девочку, уже такую взрослую в свои двадцать шесть, но у которой впереди еще вся жизнь – жизнь, которую она сама распланировала: работа учителем английского со степенью магистра, не меньше. Возможно, она получит докторскую степень. Может, напишет книгу. Или сценарий. Для нее не существовало преград.

Буп со своей младшей внучкой всегда были не разлей вода. Ханна предпочитала любоваться озером и считать цвета, в которые окрашивалось небо при заходе солнца, в то время как ее сестра, Эмма, хотела купаться в озере и не разделяла взглядов сестры относительно закатов. Иногда Буп желала, чтобы Ханна была меньше похожа на нее. Меньше предавалась созерцанию. Была беззаботнее.

Ханна постучала пальцами по столу.

– Почему ты не отвечаешь на звонки? Отец сказал, что два вечера подряд пытался до тебя дозвониться, но попадал на голосовую почту.

– Ах, это. Я была занята. Твои другие боббэ скоро приедут. – Ханна с Эммой проводили летние месяцы в Саут-Хейвене вместе с Джорджией и Дорис, которые были для девочек назваными еврейскими бабушками.

– Знаю, и мне не терпится увидеться с ними, но можем мы поговорить о том, что ты не отвечаешь на звонки? Именно для этого у тебя есть мобильный телефон. Чтобы мы могли с тобой связаться. Убедиться, что с тобой все хорошо. Он беспокоится за тебя. Как и я.

– Ах, Ханнали, ты такая милая. Хочешь кексик или шоколадку? Я как раз раскладывала угощения.

Ханна покачала головой.

– Буп, ты меня слушаешь? Ты должна отвечать, когда звонит твой телефон.

– Да, конечно. Я просто была занята.

Она не хотела беспокоить Ханну, которая регулярно звонила и жила всего в пятидесяти минутах езды, в Каламазу – довольно близко, чтобы навещать свою внучку, и достаточно далеко, чтобы не вмешиваться в ее личную жизнь. Хотя Буп не устраивала внезапных визитов к ней и ее молодому человеку Кларку, «художнику».

Эмма, которая была старше Ханны на два года, жила в Хайленд-Парке, штат Иллинойс, со своим мужем Грантом, и их трехлетними близнецами, Оливером и Холденом. Эмма звонила не по расписанию, но старалась связаться с Буп раз в неделю или около того. Буп гордилась и была довольна тем, что присутствовала в жизни внучек.

Они с Ханной устроились на обитом тиком полосатом диване в гостиной. Буп сидела на одном конце, опустив ноги на пол, а Ханна расположилась на другом, вытянувшись на диванных подушках, ее босые ступни покоились на коленях бабушки. Буп вспомнила о тех временах, когда ее внучки были маленькими девочками, когда щекотка и поцелуй излечивали от всех болезней, когда ее собственные проблемы не имели для них никакого значения. Но теперь Ханна была взрослой.

– Твой отец считает, что мне стоит переехать в Сан-Диего, – сказала Буп. – Я хотела рассказать тебе об этом сама. Вот почему девочки наконец-то нашли время приехать. Это наш последний шанс побыть здесь вместе.

Ханна резко наклонилась вперед, ухватившись за голени.

– Ты не можешь уехать.

Буп похлопала Ханну по ногам, и та снова выпрямилась.

– Мы по-прежнему сможем разговаривать по телефону. И ты сможешь сэкономить на билетах, навещая меня и своего отца в Калифорнии.

– Я не имела в виду, что ты не можешь. Я о том – зачем тебе это вообще нужно? Ты всегда говорила, что покинешь этот дом…

– Вперед ногами, – продолжила Буп. – Я знаю.

– Ты здесь выросла. Здесь вышла замуж за дедушку. Мы проводили каждое лето тут с вами и папой. Что я буду делать, если тебя не будет рядом? Не делай этого, Буп. Пожалуйста, останься! Мои самые лучшие воспоминания связаны с этим домом, и я не хочу, чтобы на этом все закончилось. – Голос Ханны дрогнул. Следом полились слезы. Сердце Буп бешено заколотилось. Такое поведение было совершенно не похоже на Ханну. Что-то случилось.

– Я знаю, милая, – нараспев прошептала Буп и закачалась из стороны в сторону. Она надеялась, что ее тон и поведение развеют беспокойство Ханны, каким бы оно не было. – Я рада, что тебе нравится тут находиться, правда. Но это большой старый дом, и большую часть времени я провожу в нем одна. И я не становлюсь моложе. Только не смей передавать мои слова Джорджии. И куда бы я ни отправилась, Саут-Хейвен все равно будет тут. Мой отъезд не означает, что ты не сможешь сюда вернуться.

Ханна улыбнулась, поджав губы. Это была ненастоящая улыбка. Она как бы говорила: «Хорошо, как скажешь».

– Без тебя здесь все будет по-другому. Для нас с Эммой ты и есть Саут-Хейвен.

Буп понимала. Прелесть Саут-Хейвена заключалась не только в живописных закатах и шелковистости песка, черничных фермах или даже маяке – хотя Буп не променяла бы их ни на что другое. Была ли она девочкой, выросшей в тени семейного бизнеса «Летнего курорта Штернов», или молодой матерью, которая привозила сюда Стюарта на лето, или бабушкой, нянчившей Эмму и Ханну, люди здесь стали ее семьей. Ее друзья, гости курорта, соседи. Они были частью ее жизни, а она – их. Но времена изменились. Ее ровесники умерли или переехали в дом престарелых. Домовладельцы теперь сдавали свои дома в аренду. Ее соседи менялись почти каждую неделю. Во времена процветания курортов семьи отдыхали тут по две-четыре недели и возвращались каждое лето.

«Летний курорт Штернов» был роскошным в гостеприимном смысле – эффектным, но элегантным. Фирменный стиль Йетты и Айры Штерн заключался в предложении гостям уютного и изысканного отдыха – наряду с обилием еды. Буп только раз была близка к такому же гастрономическому обжорству, как на курорте своих бабушки и дедушки, когда они с Марвином отправились в круиз по Карибскому морю.

Но этот дом всегда был ее настоящим домом, хотя гости курорта считали, что Бетти с бабушкой и дедушкой жили в главном доме курорта, несмотря на то, что там не было спален. С грандиозными столовыми и развлекательными залами курорта, в дополнение к огромной кошерной кухне, которая делилась на две секции – одна для молока, другая для мяса – где бы они спали? Буп улыбнулась, вспомнив поразительную наивность той эпохи, когда даже взрослые верили, что учителя живут в школе. Бабушка и Зейде нуждались в уединении и отдыхе в конце летних дней, которые длились от завтрака до ужина. И вот тут спасительным убежищем становился их дом. Он был их тихой гаванью, где они могли скрыться от просьб персонала и требований гостей, по крайней мере, в те часы, пока спали.

Для Буп «дом» служил передышкой от общественной жизни внучки Штернов, а позже от личных проблем в браке и материнстве. И он всегда был местом сбора ее подруг.

В такие моменты Буп соглашалась с Ханной. Как она могла уехать? Но она знала, что главный вопрос заключался в том, как она могла остаться? В доме было больше спален, чем им когда-либо требовалось, и деревянная лестница. Долгие и морозные зимы она проводила одна. Стюарт жил в Калифорнии, Джорджия – во Флориде, Дорис – в Аризоне. Буп вернулась в Саут-Хейвен из Скоки после смерти Марвина. Она думала, что дома и окружающей его местности будет достаточно, чтобы придать ей сил, но ошибалась.

Ханна шмыгнула носом, и по ее щекам потекли слезы.

Никто не любил Саут-Хейвен больше, чем Буп, и казалось, что Ханна слишком эмоционально реагировала. Ведь Буп уезжала не завтра. Впереди у них было еще целое лето. Последнее лето.

– Что на самом деле случилось? – спросила Буп.

На улице дважды просигналила машина. Затем звук клаксона раздался в третий раз.

– Это, должно быть, девчонки, – сказала Буп. – Мы поговорим позже?

– Конечно. – Ханна встала. – Иди! Я сейчас выйду.

– Ты уверена?

Ханна кивнула, и Буп встала, уняла внутреннее волнение и вышла на крыльцо. В это время Дорис и Джорджия закрывали задние двери такси и пытались забрать свои чемоданы у водителя. Он отмахнулся от них и понес их багаж на крыльцо.

Дорис замахала руками над головой.

– Привет-привет!

Даже издалека Буп заметила, что естественная седина Дорис была окрашена в лавандовый цвет – цвет больше походил на пятно от черники, оставшееся после попытки отстирать его с белой скатерти, чем на яркие оттенки, которые она предпочитала в молодости. Ее макияж был легким, поскольку обычно ей требовался лишь слой розовой помады, чтобы подчеркнуть бирюзовые глаза, которые не потускнели и не изменились за эти годы. Однако ее миниатюрная фигура с годами немного округлела. Она поднялась по трем ступенькам на крыльцо. И в этот момент перед Буп оказалась прежняя Дорис – невысокая светловолосая женщина с пышными формами, которая шагнула к ней, широко улыбаясь.

Дорис недавно в пятый раз вышла замуж за Саула. Двух мужей она похоронила, с еще двумя развелась. Такая большая потеря была невообразима, как и романтическая стойкость Дорис. Ее девиз? Никогда не поздно найти свою любовь и устроить хорошую вечеринку. Какое дело до этого было Буп? Главное, что Дорис наслаждалась жизнью и была здоровой.

Джорджия обошла такси с пассажирской стороны. Она с царственной осанкой направилась к дому. Ее все еще каштановые волосы ниспадали на плечи поверх белого льняного блейзера. Джорджия не сутулилась от усталости или в силу

своего возраста, а гордо демонстрировала свой рост в пять футов девять дюймов. Она, казалось, немного похудела с тех пор, как Буп виделась с ней последний раз в ноябре прошлого года во время своего визита в Бока-Ратон. Вероятно, ее занятия теннисом и поедание салата из ранней капусты сделали свое дело. Джорджия положила одну руку на голову, как будто придерживала парик, хотя ее шевелюра была настоящей. Она повернулась к пляжу и запрокинула голову к небу, затем посмотрела на Буп и, широко раскинув руки, воскликнула:

– Мы вернулись!

Переполненная эмоциями, Буп встретила девочек посередине крыльца. Ей так много нужно было сказать, но она не могла вымолвить ни слова. Она схватила Джорджию за левую руку, а Дорис за правую. Отвечая на ее чувства, подруги сжали ее руки, их прикосновение было знакомым и успокаивающим. Буп ответила им тем же, когда легкий ветерок с озера закружился вокруг троицы, как игривый старший брат, взъерошив их волосы и рассыпав песок по ногам. Он тоже соскучился по ним.

Может быть, Ханна просто заскучала по Саут-Хейвену и по Буп раньше времени. Хотя это не объясняло наличие спортивной сумки. Когда ее внимание вернулось к девочкам, мысли о Ханне рассеялись, и Буп улыбнулась. И, последовав велению сердца, произнесла прекрасные слова:

– Добро пожаловать домой.

Глава 2

Буп

– А постороннего примете в свой круг?

Голос Ханны напомнил Буп о ее беспокойстве за внучку, а Дорис с Джорджией вздрогнули от неожиданности. Похоже, никто из них не слышал, как Ханна вышла на улицу. Это все ностальгия, она была способна заглушать внешний мир,

подобно туче, загораживающей солнце.

Дорис отстранилась от Джорджии и Буп и протянула руки к девушке:

– Ханна! А мы и не знали, что ты здесь! – Она повернулась к Джорджии. – Ты знала об этом? – Джорджия покачала головой в ответ. Дорис кивнула и снова посмотрела на Ханну, обняла ее, как могла бы только родная боббэ. – Ты прекрасно выглядишь.

Глаза Ханны были красными и опухшими от слез, но для бабушки Дорис, как и самой Буп, она все равно выглядела прелестно.

– Сколько лет, сколько зим? Как долго ты здесь пробудешь? – спросила Джорджия.

Буп и в голову не пришло спросить об этом. Ее внучка редко оставалась больше одной ночи, но спортивная сумка была большой. Буп необходимо было узнать, какие неприятности таились внутри. К счастью, она и ее подружки были опытными слушателями и умели отлично решать проблемы.

Ханна отстранилась от Дорис и поспешила к Джорджии, чтобы поцеловать ее в щеку.

– Сто лет вас двоих не видела. И всех троих вместе!

– Прошло много лет с тех пор, как мы втроем собирались в Саут-Хейвене, – ответила Буп.

Джорджия эффектным жестом сняла солнцезащитные очки, хотя солнце уже вовсю светило.

– Именно поэтому мы и приехали.

Буп распахнула дверь, и Ханна, подхватив чемоданы, последовала за всеми в дом.

Все четверо прошли на кухню и расселись за кухонным столом с обновленной ламинированной столешницей из пластика, который принадлежал дедушке с бабушкой Буп. Много лет назад Ханна сказала ей, что все новое – хорошо забытое старое. Она называла это ретро.

Находясь здесь, Буп почти могла почувствовать вкус бабушкиных пончиков с черникой и услышать крики Дорис и Джорджии: «Бери карту!» За этим столом она играла в шашки со Стюартом и как-то летом подавала каждый вечер на ужин сэндвичи с жареным сыром и отрезанной корочкой. А воспоминания о чаепитиях с Ханной и Эммой были одними из самых любимых. Ей крупно повезло, что внучки постоянно находились рядом, а их изысканные наряды и куклы пробуждали в Буп внутреннюю девчонку.

– Вы, должно быть, проголодались. – Буп поднялась со стула, достала черничные кексы и шоколадно-ореховую смесь и просто поставила все это в центре стола вместо вычурных сервировочных тарелок, до которых никому не было дела. Джорджия открыла коробку с ассорти и не глядя достала арахис в шоколаде. Она делала так всю свою жизнь и, казалось, обладала определенной интуицией, но всегда сначала съедала арахис. Буп не знала, означало ли это, что арахис был самым любимым или менее любимым орехом Джорджии.

Дорис положила кекс на салфетку.

– У тебя есть…

Буп подняла указательный палец, и Дорис умолкла, пока Буп не достала масло и нож, поставив их перед подругой.

– Спасибо.

Ханна хихикнула и покачала головой.

– Дорис еще не успела ничего сказать, а ты уже знала, чего она хочет. Это потрясающе.

– Едва ли, – ответила Буп. Но она знала, что Ханна права.

– Мы знаем друг о друге все, – сказала Дорис. – Начиная с масла и заканчивая серьезными вещами.

– Такими серьезными вещами, как переезд Буп в Сан-Диего? – поинтересовалась Ханна.

– Ты наконец-то рассказала ей, – заметила Джорджия.

– Я просто ждала подходящего момента.

– Ты не знала о моем приезде. Если бы я не появилась, ты бы уехала, не сказав мне?

– Что за глупости, – ответила Буп.

Джорджия неодобрительно посмотрела на Буп. Она знала, что ее подруга не хотела говорить о своем отъезде из Саут-Хейвена.

– Постарайся понять, – вступилась Дорис. – Твоя бабушка хочет начать все с чистого листа. Мы это сделали. – Она указала на Джорджию, а потом на себя.

– Я уеду только после Дня труда, – сказала Буп. – Ханна, приезжай ко мне этим летом столько, сколько сможешь. Мы поговорим о моем переезде в другой раз, давайте сменим тему?

Без промедления разговор перешел к теннису Джорджии, к самой последней свадьбе Дорис в Вегасе, любимым ученикам Ханны и урокам сквэр данса, которые посещала Буп. Каждая из них делилась подробностями, опущенными в телефонных разговорах или слишком длинными для электронных писем. И даже если что-то повторялось, это только приветствовалось.

Ханна заметно успокоилась. Никаких больше эмоций, никаких слез. Только смех и оживленное общение. Очень быстро Буп, девочки и Ханна перешли к веселой остроумной беседе, но печаль так быстро не исчезает. Их общение лишь временно заглушало беспокойство Ханны, но в данный момент и этого было достаточно. Это напомнило Буп о том, насколько они с девочками заботились друг о друге и как эта забота могла стать тонизирующим средством при любой

болезни.

Даже доктор Джорджия Лемон соглашалась с этим.

Джорджия всегда немного отличалась от Буп и Дорис – обладая склонностью к науке и математике, она получила степень доктора медицины в Чикагской медицинской школе в пятьдесят девятом. В том же году Буп избрали президентом родительского комитета, а Дорис последовала за своим первым мужем, доктором, в Индианаполис. Кроме того, из их троицы лишь Джорджия никогда не была замужем, и она единственная не была еврейкой.

Джорджия и Буп подружились благодаря бабушке, в тот период жизни Буп, когда она безоговорочно ее слушалась.

– Новая семья купила большой магазин на Феникс-стрит, – сказала бабушка. – Так что будь вежлива с новой маленькой шиксой[5 - Шикса – нееврейка, часто пренебрежительный термин для нееврейской женщины или девочки.] в твоем классе, Бетти.

Бабушка всегда высказывалась оскорбительно по отношению к неевреям, поэтому, будучи девочкой, Буп не придавала значения этому слову. Но теперь ее передергивало, когда она вспоминала небрежно брошенные обидные слова бабушки.

Конечно же, крошка Бетти Штерн сделала так, как ей велели. Джорджии тоже велели быть милой с Бетти, поскольку ее бабушка с дедушкой заказывали через магазин рубашки с вышивкой для персонала их курортного комплекса.

Маленьким девочкам не было до этого никакого дела, их волновало лишь то, что они обе любили играть в классики и собирать морское стекло на пляже.

Буп с Дорис познакомились в детском саду, что документально подтверждено черно-белой фотографией группы. Ни одна из них не помнила времени, когда они не знали друг друга. А потом, через Буп, Дорис подружилась с Джорджией.

И почему она раньше не настояла на том, чтобы девочки вернулись? «Лучше поздно, чем никогда», подумала она. И все же мысль о том, что в будущем их

возможные встречи могли быть ограничены, оставила в душе неприятный осадок. Она проглотила кусочек черничного кекса, который подавил сожаление и удерживал его внутри, словно пробка. И мысли о Ханне – тоже.

Буп понимала, что не сможет найти покой, пока не узнает причину слез Ханны. Ее личные тревоги, ее стремление побыть со своими подругами наедине должны были подождать.

Оживленное подшучивание подруг вызволило Буп из плена мрачных мыслей, разметав их по сторонам, словно крошки от торта. Не подозревая о тягостных раздумьях Буп, Ханна, Джорджия и Дорис болтали о жарком сухом климате Скоттсдейла и о том, что партнеры Джорджии по парному теннису были на двадцать лет моложе ее.

Буп рассеянно кивала, мысленно прокручивая в голове упущенный разговор и молча обещая себе оставаться внимательной. Она понимала, что стоит вникать в беседу и не отвлекаться от окружавшего ее чуда.

* * *

На закате Буп наблюдала за Ханной, сидевшей боком на низкой бетонной перегородке между крыльцом и Лейкшор Драйв, узкой улицей с односторонним движением, которая отделяла ее дом от пляжа. Она смотрела на юг. Они все смотрели на юг.

На пирсе собралась толпа, чтобы посмотреть, как садившееся солнце окрашивало серо-голубое сумеречное небо в переливающиеся оттенки желто-оранжевого и золотистого. Девочки, как и Ханна, молчали и, казалось, дышали в унисон. Буп включила свет на крыльце и вошла в дом, поскольку ей с лихвой хватало и уже увиденных закатов.

Помимо света на застекленной веранде, она включила лампу в телевизионной комнате. Этого было достаточно для освещения крыльца. Буп схватила четыре хлопчатобумажных пледа из гостиной и поспешила обратно на улицу. Солнце зашло и забрало с собой майское тепло.

Буп протянула Дорис и Джорджии пледы, и они укрыли ими ноги. Розовый плед, словно шаль, накинула на плечи Ханны.

Ханна соскользнула с бетонной перегородки и села в синее садовое кресло. Буп расположилась в своем старом плетеном кресле-качалке, изрядно потертом за многие годы созерцания закатов. Его подлокотники уже давно нуждались в ремонте. Она укрылась пледом. Ей так повезло, что ее дом был полон гостей, а сердце – радости.

– Могу я вам кое-что рассказать? – спросила Ханна.

– Конечно, можешь, – ответила Буп. Ханна несколько часов ждала, чтобы излить душу.

– Вы должны поклясться, что никому не расскажете.

– Да кому нам рассказывать-то? – спросила Дорис.

– Суть не в этом. Клянетесь?

Буп никогда бы не предала доверие, но внезапный холодок тревоги пробежал по ее телу, он служил своего рода интуицией.

– Да мы самые лучшие хранители секретов на планете, – сказала Джорджия.

– О проблемах лучше рассказать, чем держать в себе, – добавила Буп. – Ты ведь об этом знаешь. – Она задрожала. «Боже, Ханна, что происходит?»

– Кларк сделал мне предложение, – произнесла Ханна.

– Какое предложение? – Буп поняла, о чем речь, но хотела услышать это от Ханны.

– Он хочет жениться? – Дорис радостно всплеснула руками. – Как чудесно. Мазл тов[6 - Мазель тов (идиш. Mazel tov) – Удачи! Пожелание счастья, поздравление со счастливым и значительным событием.], дорогая.

Ханна пристально посмотрела на Буп.

– Я сказала, что подумаю.

Буп никогда не скрывала своего мнения о Кларке. Он учился на юридическом факультете, а теперь стал художником-хиппи или что-то в этом роде.

– Ты не ответила согласием? – спросила Дорис.

– Слава богу, – в один голос произнесли Буп и Джорджия.

Ханна была молода. Двадцать шесть лет. Ей рано еще было обзаводиться семьей и принимать такие ответственные решения. Ей стоило исследовать мир и реализовать свои мечты, прежде чем вступить в брак.

– Может быть, Кларк не твой единственный, – сказала Буп. Ханна наклонилась вперед.

– А такой существует?

– Разумеется, – ответила Дорис.

– Как ты можешь такое говорить? – спросила Джорджия. – Ты пять раз выходила замуж.

– И каждый раз он был тем единственным.

– А как ты это понимала? – спросила Ханна.

– Шестым чувством, – ответила Дорис.

– Ты рассуждаешь логически, Ханна, – сказала Буп. – Молодец. – В глубине души она понимала, что решать дела сердечные предпочтительнее не логикой. Но она знала и то, что иногда это был лучший способ. – Дорис – безнадёжный романтик.

– Вовсе я не такая, – возразила Дорис. – Я оптимистичный романтик.

Ханна потянулась к Буп.

– Мне нужен твой совет. – Она взглянула на Джорджию и Дорис. – И ваш тоже.

– Если у тебя есть сомнения, это уже говорит о многом, – сказала Буп.

– А может, и нет, – вмешалась Джорджия. – Иногда вполне оправданно довериться интуиции.

– Брак не должен основываться на интуиции, – возразила Буп. Джорджия широко раскрыла глаза.

– Да неужели?

– Я составила список «за и против», – сказала Ханна. Она вытащила из заднего кармана сложенный вчетверо листок бумаги и развернула его.

Буп медленно поднялась на ноги и протянула руку.

– Можно? – спросила она. По крайней мере, теперь Буп знала, что беспокоило Ханну. «Да или нет» – было судьбоносным решением. Но оно должно было быть осознанным выбором, сделать который могла только сама Ханна.

Она протянула Буп листок.

– «Почему я должна выйти замуж за Кларка». – Буп взглянула на свою внучку. – Интригующее название.

– Просто прочти уже, – потребовала Джорджия.

Буп едва сдержалась, чтобы не закричать, что, когда ты влюблена, тебе не нужен никакой список. Если ты влюблена, то не сбегаешь в дом к своей бабушке. Теперь Буп поняла, что Ханна появилась бы в этот день на пороге ее дома в любом случае, даже если бы Стюарт не проболтался о том, что вынужден был оставлять голосовые сообщения.

Ханна нуждалась в Саут-Хейвене. Ей нужна была поддержка Буп.

– Первое: он добр к животным. Второе: он вежлив с официантами. Третье: он опускает сиденье унитаза. Ханна! Это что, шутка?

Ханна выхватила листок из ее рук.

– Нет, это не шутка. Это важнейшие положительные стороны характера. Ну, может, не последний пункт, но это своего рода забота. – Она посмотрела на свой список. – Он талантливый художник. Ему нравится независимое кино. Он амбициозен.

– Не думаю, что он амбициозен, дорогая, – возразила Буп.

– Ах да, он же бросил юридический факультет, – вставила Дорис.

– Нет, еще хуже, – пояснила Буп. – Он окончил учебу и уволился с работы в юридической фирме. А это не очень ответственно.

– А чем он сейчас занимается? – спросила Джорджия.

– Он художник, – ответила Ханна. – Он следует за своей мечтой.

– Нет ничего дурного в мечтах, но не надейся, что он внезапно устроится на работу в офисе и будет приносить домой стабильную зарплату, если перестал делать это всего через год, – сказала Буп.

– Он очень увлечен созданием своих скульптур. И ярмарками ремесел по выходным. Один друг даже заказал у него скульптуру для своего заднего двора.

Буп хотела, чтобы у ее внучек было благополучие и стабильность – то, что было у них с Марвином. Но она желала им и беззаветной любви – такой, при которой в ответ на предложение руки и сердца ты не скажешь «может быть».

– Ханна, ты его любишь? – спросила Дорис. – Я была безумно влюблена в каждого из своих мужей.

– При всем моем уважении, Дорис, – сказала Джорджия, – Кларк или не Кларк, но, думаю, ты согласишься, что пять браков – это не цель.

– Конечно же, нет, – ответила Дорис. – Но это было счастье.

Буп скрестила руки на груди. Выбор, который она сделала много лет назад, всколыхнул ее душу.

– Ты влюблена в него, Ханна? Ты можешь представить себя с кем-нибудь еще в течение следующих шестидесяти лет?

– Мы вместе с первого курса колледжа. Я люблю его.

– Я тебя не об этом спрашивала.

Ханна сложила руки на коленях. Учителя начальной школы Буп велели бы сделать то же самое неугомонным ученикам, тем самым успокаивая детей и заставляя их слушать. Буп последовала примеру Ханны и тоже положила руки на колени.

– Я не отрицаю ценности дружбы или верности, но это недостаточно веские причины, чтобы выходить замуж, – произнесла Буп.

– А как насчет такой причины? – Ханна кашлянула. – Я беременна. – Она произнесла каждое слово так, словно Буп должна была по обыкновению понять. – Это достаточно веская причина?

– Ой, вей![7 - Ой вей (идиш. Oy vey) – фраза, выражающая боль, недовольство, тревогу, раздражение.] – ахнула Джорджия.

– Возможно, – сказала Дорис.

– Ужасная! – выпалила Буп, хотя имела в виду совсем не это. Дети – это замечательно, но Ханна не была готова. Ее жизнь еще не была готова. Буп захрипела, ее прерывистое дыхание не могло наполнить легкие кислородом, вызывая головокружение. Но разве у нее был выбор? Она была не в состоянии задержать дыхание. Девочки схватили ее за руки.

– Дыши, – велели они обе.

Буп медленно выдохнула. Затем вдохнула через нос, но не посмотрела на Ханну. Неужели все снова повторялось?

В этот момент все изменилось. Переезд уже не имел значения. Даже Джорджия с Дорис не имели значения. Буп хотела посадить Ханну себе на колени, убрать с ее лица выбившиеся пряди волос и пообещать ей, что все будет хорошо. Потому что так и должно было быть, со временем все должно было наладиться. Затем мысли Буп переключились на практические вопросы.

– Это ребенок Кларка? Ты была у врача?

Ханна села в ближайшее к Буп жёлтое кресло.

– Да, я была у врача, и, конечно же, это ребенок Кларка!

– Ну почему сразу «конечно же»? Всякое бывает.

– Это уж точно, – вставила Джорджия.

Ханна ахнула.

– Ну, со мной такого не бывает.

Беспокойство, наполнявшие сердце Буп, начало угасать, оставляя на коже лёгкое покалывание.

– Ты уверена, что хочешь ребенка? Уверена, что хочешь его оставить?

– Уверена. Как и Кларк. – Губы Ханны растянулись в улыбке. – Мы слышали сердцебиение.

Буп прижала правую руку к сердцу, словно ощущая связь с этим новым сердечком.

– Тогда почему ты не сказала «да»?

Девочки сидели тихо и, несмотря на свое присутствие, пытались создать бабушке с внучкой некое уединение.

Ханна пожала плечами, став похожа на маленькую девочку с огромными глазами, которую много лет назад во время прогулки на ферме поймали поедающей чернику, вместо того чтобы собирать ее в корзинку, Тогда ее выдали фиолетовый язык, зубы и пальцы. Буп откашлялась.

– Сможешь ли ты быть достаточно счастливой, если выйдешь замуж за того, в ком не совсем уверена? Возможно. Является ли ребенок благословением? Безусловно. Но ты спросила, и мой ответ – нет. Беременность – недостаточно веская причина для вступления в брак. Сейчас уже нет.

– Поверить не могу, что ты такое говоришь, – удивилась Ханна.

– А я могу, – вмешалась Джорджия. – Буп очень современная бабушка.

Буп кивнула Джорджии. Как изменились времена.

– На дворе двадцать первый век, – продолжила Буп. – Ты – двадцатишестилетняя выпускница колледжа, работающая учителем полный рабочий день. Только не говори мне, что не думала о том, чтобы растить ребенка самостоятельно.

– Я хочу, чтобы у ребенка было двое родителей.

– О, Ханна, – произнесла Дорис. – Может, все уладится. У ребенка будут оба родителя. Даже если вы не женаты, нетрадиционные семейные отношения тоже могут замечательно работать, главное все делать правильно.

У Дорис были дети, внуки, правнуки и ещё столько неродных детей от повторных браков, что Буп потеряла им счёт.

– Никто не вычёркивает Кларка из твоей жизни, – сказала Буп. «Или сталкивает с пирса». Не исключено, что Кларк может оказаться отличным кормильцем и защитником своей семьи – это тоже благословение.

Благодаря Марвину она знала, что такие мужчины существуют. Он был почти идеальным семьянином. Отцовство стало для него радостью и утешением, когда родился Стюарт. В отличии от отца Буп, Джо Штерна, которому было наплевать на свою дочь. Врожденный родительский инстинкт обошел стороной одно поколение в ее семье. Бабушка и Зейде заботливо вырастили три поколения детей курортных постояльцев и свою внучку, но черты их характера не передались Джо. Возможно, именно поэтому ему нравилась ее мать, великолепная, но лишенная материнского инстинкта Тилли Фельдман-Штерн. Эти два человека были ответственны за ее прекрасное детство только потому, что бросили ее. Летом, когда Буп исполнилось четыре года, родители отвезли ее в Саут-Хейвен на выходные – выходные, которые продлились до ее восемнадцатилетия.

Временами Буп не могла даже заставить себя пробормотать: «Земля им пухом».

Ханна наклонила голову набок и улыбнулась. На ее глазах выступили слезы, вызванные эмоциями и воспоминаниями.

– Мне просто интересно, замужество – это вообще мое? Потому что, если так, то я всегда хотела такой брак, как у вас с дедушкой.

Дорис погладила бахрому на пледе, а Джорджия уставилась на свои руки. Утверждение Ханны заставило Буп принять важное решение.

– Вещи не всегда такие, какими кажутся, – сказала она.

– А иногда именно такие, – возразила Ханна. – Вы с дедушкой служили отличным примером. Я просто хочу, чтобы ты мной гордилась.

– Я буду тобой гордиться, если твое замужество начнется не так, как у меня с твоим дедушкой, – сказала Буп.

Помимо Буп только восемь человек на всем свете знали, почему она так сказала. Двое из них сидели на крыльце, делая вид, что не слышат ее слов, а остальные шестеро умерли. Она полагала, что унесет эту нерассказанную историю с собой в могилу, укрыв глубоко в своем разбитом сердце.

Но, как уже неоднократно случалось, когда дело касалось ее сердца, Буп снова ошиблась.

– Мне не нужен идеал, – воскликнула Ханна. – Я просто хочу знать, что Кларк предназначен мне судьбой. Как было у тебя с дедушкой.

– Я этого не знала, – прошептала Буп.

– Что?

– Я не знала, что твой дедушка предназначен мне судьбой. Я доверилась интуиции, как сказала Джорджия. И к счастью, все сложилось хорошо. Но я хочу, чтобы ты была уверена. Времена сейчас другие.

– Почему ты так говоришь? – воскликнула Ханна.

– Потому что это правда, – произнесла Джорджия.

А Дорис кивнула.

Всю жизнь Буп не хватало мужества, но сейчас она набралась смелости, словно эта сила всегда была где-то неподалёку.

– Я не была влюблена в дедушку, когда мы поженились. – Кощунство! Слова казались тяжелыми, но в то же время их было легко произнести. Казалось, будто она затолкала валун на вершину холма и наконец позволила ему скатиться с другой стороны.

Ханна поникла, затем расхохоталась и хлопнула себя по колену, как будто услышала смешной анекдот.

– Да ты была по уши влюблена. Вы поженились прямо здесь, во внутреннем дворике, после Дня труда, через несколько месяцев после того, как ты окончила среднюю школу. Ты выбрала себе платье из свадебного журнала, и твоя бабуля ездила в Чикаго, чтобы купить его. Я слышала эту историю всю свою жизнь. Я видела фотографии. Ты сияла от счастья.

Буп сделала глубокий вдох, почувствовав запах озера, возможно, с примесью песка, и определенно, капельку печали, когда нахлынули воспоминания о том, как началась ее взрослая жизнь.

Устарелые, но все еще достаточно актуальные для Буп ожидания, страхи и стереотипы, привитые бабушкой и Зейдом, прорвались наружу, словно ростки, угрожая ее нынешним феминистским чувствам. И все же она не хотела развеивать миф об истории любви между ней и Марвином.

– Почему ты говоришь, что не любила дедушку? – спросила Ханна. – Она ведь лжет?

Джорджия покачала головой.

– Тогда зачем ты вышла замуж?

Буп посмотрела на Дорис, затем на Джорджию, она не спрашивала их разрешения, а только подтверждения. Они кивнули. Их лица не выражали ни радости, ни печали. Лишь легкий намек на улыбку свидетельствовал об их согласии. Как всегда.

Время настало.

Буп столкнулась с тем, что вынуждена была рассказать о том, чего ее внучка не хотела слышать, озвучить слова, которые Ханна запомнила бы навсегда. Воспоминания поколебали ее решимость, но Буп прогнала эти мысли прочь. Она была не копией своей бабушки. Ханне было не восемнадцать. На дворе стоял не пятьдесят первый год.

Буп набрала в легкие побольше ночного воздуха и открыла скрытую правду:

– Я была беременна.

* * *

Ханна расхаживала по крыльцу. Буп перестала считать после двадцатого круга.

– У меня голова кружится от тебя, – сказала Джорджия. – Сядь.

– Вы обе знали? – Ханна взглянула на Дорис, затем на Джорджию. Они кивнули.

– Моя семья, доктор, девочки, – ответила Буп. – Они знали. Остальные, возможно, догадывались, но о таких вещах не говорили.

– Такие вещи скрывали, – добавила Дорис.

– Твои бабушка с дедушкой заставили дедулю жениться на тебе?

– Не совсем так.

– Тогда как?

– Ох, Ханна, это долгая история. Все, что тебе действительно нужно знать, это то, что твой дедушка был менш[8 - Менш (mensch) – приличный человек.]. – Буп всегда знала это, и она была благодарна. Но была ли она достаточно благодарна?

Ханна сглотнула.

– Ты сделала это ради ребенка. Ради моего отца. Я не могу поверить, что говорю это, но, может быть, этого достаточно.

– Только потому, что у нас все получилось, не значит, что ты не заслуживаешь большего, чем эта неопределенность, которую испытываешь сейчас, – сказала Буп.

– Если ты не любила его, почему осталась? – Голос Ханны дрогнул.

– На самом деле я полюбила его. Просто на это ушло время. – Но помимо этого было кое-что еще. При том, что Буп много чего хотела достичь, она не собиралась разрушать семью. В отличие от своих родителей, каждый раз, когда она убегала обратно в Саут-Хейвен, чтобы набраться сил, будь то на выходные или на несколько месяцев летом, она возвращалась домой в тот день, когда обещала это сделать, иногда даже раньше времени.

Она никогда не забывала, что ей крупно повезло.

– Я всегда буду возвращаться, – сказала она Марвину, когда ей было девятнадцать и года еще не прошло, как она стала миссис Пек. – Я помогу бабушке и дедушке с организацией Фестиваля черники. Вернусь во вторник перед ужином. – Она никогда не спрашивала разрешения. Просто говорила о своем намерении, с которым Марвин соглашался, потому что она возвращалась, как и обещала.

Да, тогда он уже не был ребенком, но психику нетрудно травмировать в любом возрасте. Буп позаботилась о том, чтобы ее мужу никогда не приходилось тайком спускаться вниз и отпирать дверь, объясняя это тем, что она могла забыть свой ключ. Он никогда не хлопал незнакомок по плечу на улицах, потому что у них были такие же волосы, походка или манеры, как у Буп. Марвину никогда не доводилось выдумывать историю о том, где была его жена или почему она уехала. Она держала обещания, данные Марвину перед Богом и их семьями, а также обещание, данное самой себе.

Но эти обещания были и ее наказанием за необходимость выйти замуж.

В том, что касалось брака, Ханна не должна была переживать и задаваться вопросами «что, если». Всего этого ей вдоволь пришлось бы пережить с материнством.

– Если ты больше не влюблена в Кларка, или если никогда его не любила, однажды ты влюбишься в кого-нибудь другого, и поймешь. Именно этого ты и заслуживаешь. И твой ребенок заслуживает этого. Черт возьми, Кларк тоже имеет на это право, ты так не думаешь? Даже если придется подождать.

– Ты же не стала ждать, – возразила Ханна.

– Она права, – сказала Дорис.

– У меня не было другого выбора, – ответила Буп. – В мое время это называлось «попасть в неприятности», и именно этим оно и было. Неприятностями.

– А свадьба с дедушкой избавила тебя от неприятностей?

– Будь уверена, так оно и было. – Во многих смыслах. – И дедушка получил кое-что в дополнение к беременной невесте. Твой прадедушка Стэн не собирался отдавать дедушке бизнес, пока тот не обзаведется хорошей женой-еврейкой, которую он одобрил бы, здоровым еврейским ребенком и кирпичным коттеджем в Скоки.

Ханна вздрогнула.

– Это ужасно!

– У твоей бабушки была замечательная жизнь, – сказала Джорджия.

– Это так, но твоя жизнь может быть лучше. Учись на моем опыте. Мы с дедушкой оба получили то, что нам было нужно, но было ли это тем, чего мы хотели? – Буп пожала плечами. – В конечном итоге, да. Но я не хочу, чтобы ты ждала конечного итога.

Буп хотела, чтобы у Ханны было то, что потеряла сама Буп.

Подавленные воспоминания пытались прорваться наружу, снова всплывая в памяти Буп. Когда-то у нее были напористость и амбиции. Мечты и наивность. И восхитительная фигура.

Далекая музыка биг-бенда, смех Зейде и рев родстеров раздались в ее голове. Чистый аромат крема для ухода за волосами защекотал ей нос. Вкус мятной зубной пасты защипал язык. Было ли это все игрой её воображения? Или девочки с Ханной тоже могли это слышать, обонять и пробовать на вкус?

Ханна пристально посмотрела на Буп.

– У тебя довольно твердые принципы о любви для того, кто утверждает, что никогда ее не испытывал.

Буп отвела взгляд и собралась с мыслями, затем снова посмотрела на Ханну.

– У меня была целая жизнь, чтобы поразмышлять об этом.

Ханна кивнула, ее любопытство на миг притихло.

– Чем бы ты занялась, если бы не забеременела? О чем ты мечтала? У тебя были какие-то планы?

Вопросы ослабили стремление Буп скрывать произошедшее тем летом за придуманной ею личной историей – о молодой женщине, которая больше всего на свете хотела быть миссис Марвин Пек, домохозяйкой и матерью. Она посмотрела на своих подруг.

Дорис пожала плечами.

– Решай сама, – ответила Джорджия.

Спустя столько лет Буп по-прежнему не знала, как объяснить необъяснимое.

– Это была другая жизнь, Ханна. Это уже неважно.

– Для меня важно. – Ханна положила руку на живот. – Для нас важно.

Буп так хотела, чтобы все это имело значение.

Время шло, и история повторялась. Судьбы людей и их действия перекликались и пересекались на протяжении многих лет. Возможно ли, чтобы пережитые Буп в восемнадцать лет испытания сейчас пошли на пользу ее внучке? Смогла бы Ханна извлечь выгоду из пережитой Буп сердечной боли?

Буп не была легкомысленной старухой, но она вспомнила легкомысленную девушку – ту, которая стремилась к безграничному будущему, пока ее надежды не рухнули.

– Ты должна хоть что-то помнить, – сказала Ханна.

Вопреки желанию своего сердца, Буп помнила все.

В конце концов, это было ее лучшее и худшее лето в жизни.

Глава 3

Бетти

Лето 1951

Бетти нужно было ускорить шаг, иначе она пропустила бы то, чего ждала целую вечность. Время близилось к полудню, и летний персонал должен был прибыть в Саут-Хейвен примерно через три часа. А теперь, когда ей исполнилось восемнадцать, она перестала быть «крошкой Бетти Штерн» и смогла бы влиться в коллектив.

Теперь она была уже достаточно взрослой, чтобы участвовать в тайных вечеринках у костра, которые были не такими уж секретными; могла провести выходной, играя в карты в домиках для персонала, или отправиться на близлежащий пляж в Бентон-Харбор или Сант-Джозеф, где их никто не знал. Большинство ребят приезжали группой из нескольких машин из Мичиганского университета, расположенного примерно в ста пятидесяти милях отсюда. Анн-Арбор казался таким далеким, когда Бетти была маленькой девочкой, но с того момента, как она увидела свой первый журнал мод, примерно лет в десять, – экземпляр Harper’s Bazaar, оставленный ее матерью – Бетти хотела уехать из Мичигана в Нью-Йорк. Именно там издавались журналы. Так сказала бабушка, когда Бетти ее спросила.

Сначала она не обратила внимания на статьи и потерялась среди изображений женщин в купальниках на ветреном пляже – пляже, мало чем отличающемся от ее собственного, если не считать пальм. Позже в тот же день она прочитала статьи – так у нее была причина держать журнал открытым и на коленях. Бабушка никогда бы не запретила ей читать. Бетти хорошо умела читать, намного лучше, чем требовалось в классе. Кто-то написал эти слова о моде, тканях и стилях – конечно же, написал: ведь слова не появлялись по волшебству. Мысль о том, что это было чей-то работой, разожгла ее воображение. С того самого дня Бетти захотела стать этим человеком, иметь такую работу. И вот через несколько месяцев она должна была отправиться в Барнард-колледж в Нью-Йорк. Она не стала приписывать свои стремления матери и приписала их

Диане Вриланд и журналу Harper’s Bazaar.

Единственное, за что она благодарила свою мать, – это за волосы и фигуру, но и это не было заслугой Тилли.

В один из своих визитов родители Бетти решили подарить ей куклу Салли Кинс, с мягким телом и твердой, отлитой из пластмассы головой и волосами. Бетти уже перестала интересоваться куклами, теперь ее привлекали книги и головоломки – но откуда им было знать?

Бетти листала страницы последнего выпуска журнала Seventeen, но смотрела в окно прачечной. По небу проплыло несколько облаков, но их было недостаточно, чтобы затенить его яркость или омрачить ее радостное волнение. Она положила открытый журнал поверх коробки с борным мылом, перевернула еще одну страницу и прочитала заголовок: «Ваше будущее: где оно?» Она загнула кончик страницы на потом. Затем опустила руки в карман фартука, зная, что найдет там заколки для волос и резинки, оставшиеся с прошлого лета. Кусочки ворса забились у нее под ногтями. Зажав заколки для волос между губами, она убрала волосы с шеи, собрав их в конский хвост, отвела выбившиеся пряди от лица, закрутив и заколов их.

Работу нельзя было больше откладывать. Она взъерошила стопку синих занавесок с вышивкой, которые повесят в гостевых коттеджах, как только она их отутюжит. Этот же синий цвет, по желанию ее дедушки, присутствовал на всех скатертях, салфетках и покрывалах «Летнего курорта Штернов». Даже спичечные коробки и пепельницы имели тот же оттенок. Этот цвет «был приятен для глаз и в самый раз подходил для отпуска», – говорил Зейде. Он окрестил его «королевский синий Штернов». Бетти всегда сомневалась, что он понимал иронию такого названия.

Утюг зашипел, готовый к работе, и Бетти положила льняное и кружевное полотно на гладильную доску, у которой сидела. Скользящие движения взад и вперед были гипнотическими. Последние три лета Бетти занималась глажкой в одиночестве, пока девочки-прачки не заступали на свои смены.

Воздух наполнился паром и ароматом испаряющегося крахмала. Бетти закрыла глаза и представила, будто это был еще не рассеявшийся запах потухшего костра. Все свое детство она просыпалась от этого запаха и от смеха, летевшего

в окно ее спальни, выходившее на пляж. Когда ей было двенадцать, ее любопытство и подростковая влюбленность в официанта по имени Джеральд вынудили ее подойти к окну, и она поняла, что на улице гуляли не скучные взрослые, как она думала раньше. У кромки озера она увидела тени, танцующие без музыки – по крайней мере, она ничего не слышала – поднявшие руки вверх или обнявшие друг друга. Другие, тесно прижавшись, лежали поверх расстеленных на песке одеял. С этого самого момента Бетти захотелось быть той девушкой, которую дразнил красивый мальчик, гоняясь за ней по пляжу, а она в ответ дерзко смеялась, как бы бросая вызов: «Попробуй догони». Той девушкой, которая до восхода солнца танцевала медленные танцы в объятиях удалого студента, будущего юриста, и чей вечер закончился на рассвете идеальным поцелуем. Прямо как в кино.

К младшему классу средней школы, после месяца молочных коктейлей и просмотра фильмов вместе с Робертом Смитом Бетти была втайне взволнована, когда Роберт взял с собой одеяло во время их обычной прогулки по пляжу после наступления сумерек. Это было так романтично, тем более что стояла осень, и Бетти знала, что он обнимет ее. Роберт развернул одеяло, всколыхнул его, как красный клетчатый парус, и оно легло на песок. Он выбрал место подальше от окон ее дома или домов ее соседей. Вскоре его объятия привели к поцелуям, и Роберт прижался всем телом к Бетти так, что ей пришлось откинуться на одеяло. Она не прервала поцелуй, хотя от колючего шерстяного одеяла ее икры, спина и плечи чесались, как будто по телу бегала армия муравьев. Она заерзала, что каким-то образом побудило Роберта скользнуть руками по ее блузке и расстегнуть ее. Все эти ощущения, сменявшие друг друга, были странными, но не совсем неприятными.

Позже Бетти рассказала Джорджии, что разрешила Роберту прикоснуться к своей груди, потому что ей было шестнадцать и пришло время. Правда, она не призналась Джорджии, что ей это вроде как понравилось.

Неделю спустя она установила границы с Робертом, когда он расстегнул молнию на ее бриджах. Испытывая волнение и любопытство, она позволила ему сделать это; затем, несмотря на отсутствие ясности в мыслях, она подняла руку Роберта и положила ее себе на талию.

– Ну, попытка – не пытка, – сказал он.

Ощутив жгучую боль, Бетти широко открыла глаза.

– Черт! – Она прижгла нижнюю сторону предплечья передним концом утюга. Лето еще даже официально не началось! Бетти стоило бы быть более внимательной, витая в облаках.

На кухне бабушка крепко, но нежно держала Бетти за руку и круговыми движениями смазывала ожог маслом, неодобрительно хмыкая. Четкими движениями она вытерла жирные пальцы о фартук. Даже в таких мелочах бабушка была педантичной.

– Бетти, сколько раз я должна тебе говорить, чтобы ты не гладила с закрытыми глазами?

– Я закрыла их всего на секунду. – Не больше. – Я задумалась.

Бетти не хотела, чтобы бабушка знала, что она мечтала о поцелуях с объятиями, когда ей следовало бы думать о складках и сборках. К тому же Роберт бросил ее ради Джоан Кеплер, у которой грудь была значительно больше, а нравственности гораздо меньше.

– Ожог достаточно серьезный, – сказала бабушка. – О чем только ты думала? Вероятно, о мальчиках?

– Нет! Я размышляла, вернутся ли Блумфилды в этом году.

Бабушка прищурилась.

– С чего бы им не вернуться? Все возвращаются. Ты что-то услышала?

– Нет. Мне просто нравилось сидеть с их детьми по вечерам. Вот и все. – Бетти наслаждалась этими вечерами, потому что Блумфилды были красивой парой, которая заслуживала провести вечер вдвоем и отдохнуть от своих трех дочерей. Или, может быть, потому что Блумфилды давали ей чаевые, хотя в этом не было необходимости.

– Я позабочусь о том, чтобы ты была первой в списке. – Бабушка снова осмотрела руку Бетти, затем обмотала ее хлопчатобумажной повязкой, которую держала под рукой на случай ожогов на кухне. – Ты встретишь милого еврейского

мальчика в Колумбии во время учебы в Барнарде. Вот увидишь. Кого-то с амбициями. Умного. Просто наберись терпения.

У Бетти были другие планы, отличные от терпения.

Бабушка положила масло в коммерческий холодильник фирмы Frigidaire, помеченный буквой «М», только для молочных продуктов. Затем она последовала за Бетти в прачечную. Бетти подняла половину стопки отглаженных штор с пола. Их тяжесть надавила на импровизированную повязку и вызвала волну покалывающей боли, поэтому Бетти аккуратно передала занавески в руки бабушки. Она не хотела гладить их снова.

Бабушка встала на цыпочки и поцеловала Бетти в лоб, покрутила пальцем в неподвижном влажном воздухе.

– Я закончу с этим, – сказала она. – Ты иди домой и приведи себя в порядок. Некрасиво будет выглядеть, если ты опоздаешь.

* * *

Час спустя Бетти вернулась. Она не надела розовую клетчатую английскую блузку с длинным рукавом, которую бабушка положила на ее кровать, но бабушка не стала бы отчитывать Бетти на людях. В тот день она должна была встретиться с некоторыми работниками из числа обслуживающего персонала, которые знали ее с тех пор, как они были первокурсниками колледжа, а ей было четырнадцать. Бетти хотела выглядеть взрослой, и чтобы ее воспринимали всерьез. Она больше не училась в средней школе, и ее внешний вид должен был говорить «студентка колледжа». Она переступила с ноги на ногу и уставилась на свои новые летние мокасины, прижимая влажную траву то в одну сторону, то в другую. Никаких двухцветных кожаных туфель, хотя они были в моде.

Бабушка и Зейде расположились на кованой железной скамейке, которая стояла на центральной лужайке под самым большим кленом на территории их владений. Каждый год они сидели здесь в ожидании работников, которые обычно приезжали до выходных, посвященных Дню поминовения.

Она послала бабушке воздушный поцелуй. Позже Бетти собиралась объяснить, что не ослушалась бабушку, надев другой наряд; она просто берегла эту блузку для другого случая и не хотела ее испачкать. Бабушка, конечно, раскусила бы обман Бетти, поскольку видела ее насквозь. Но летом бабушка обычно была отвлечена гостями, кухней и своим образом балабусты – лучшей хозяйки курортного комплекса и хранительницы домашнего очага – Саут-Хейвена. Она, возможно, даже не осознавала, что Бетти надела подарок, который получила от Тилли.

Во время одного из визитов родителей Бетти поняла, что бабушка называла их «Тилли» и «Джо», поэтому она тоже начала называть маму и папу по именам. Все думали, как это так мило, что шестилетняя девочка со светло-каштановыми, выгоревшими на солнце локонами и в платье как у Ширли Темпл называет своих родителей по именам.

Или, по крайней мере, так это запомнила Бетти, поскольку никто никогда не опровергал и не подтверждал, правдивы ли ее воспоминания. На первый взгляд, подобное решение должно было защитить ее чувства, но незнание того, куда и почему уехали ее родители, оказалось благодатной почвой для полета фантазии маленькой девочки. Однако, когда ей исполнилось десять лет, взрослые решили открыть ей правду, и она довольно сильно расстроилась, что ее родители не были шпионами или специальными агентами или что они не были похищены пиратами. На самом деле Тилли была певицей, а Джо – ее менеджером и пианистом. Они возили свою дочь с собой до тех пор, пока ей не пришло время посещать детский сад, а затем сдали ее родителям отца.

Бетти помнила почти все визиты своих родителей. Она приводила в порядок свою и их комнаты, надевала лучшее платье и ждала у двери. Многие дни, недели и месяцы до этого она принимала каждую бездетную пару на улице за своих папу и маму, слышала их призрачные голоса, видела абсурдные сны о нормальной семье. Когда они приезжали, Тилли и Джо вели себя как дальние родственники – вежливые и заинтересованные, но отстраненные. Как будто Бетти не имела никакого отношения к их жизни. Она знала, что так и было.

Бетти всегда махала рукой в окно и делала вид, что их отъезд не причинял ей боли. Она боялась, что, выдав свои страдания, она тем самым обидит бабушку и дедушку, которые хотели только одного – чтобы их внучка была счастлива. Она была обязана им всем.

Вот почему Бетти обычно упаковывала редкие и бесполезные подарки Тилли, но этот было трудно отложить в сторону – желтую блузку без рукавов со стоячим воротником, похожую на ту, которую Бетти видела в журнале Seventeen, пышную юбку из ткани «шамбре» и – самое приятное – узкий красный пояс из лакированной кожи. Тилли знала, что этот наряд будет в самый раз, потому что Бетти была очень похожа на нее: такая же превосходная кожа, голубые глаза с зелеными крапинками и светло-каштановые волосы. Знала ли Тилли, как блузка и пояс подчеркнут изгибы фигуры Бетти? Заботило ли ее это?

Бетти никогда не хотела давать бабушке и Зейде повод сожалеть о том, что они ее воспитали. Матери большинства девочек, не говоря уже о бабушках, не поддерживали своих дочерей и внучек так, как бабуля поддерживала Бетти. Она восхищалась оценками и амбициями Бетти так же сильно, как (или, может быть, даже больше) признавала красоту Бетти, пусть даже она унаследовала это от «другой стороны» семьи. Стороны, которую она не знала. В сердцах и глазах своих бабушки и дедушки Бетти не могла поступить неправильно.

Один выбор наряда не мог этого изменить, кто бы его ни отправил.

Лучшие подруги Бетти вышли из главного дома вслед за ней. Это не был дом в обычном смысле этого слова, потому что там никто не жил. Зейде купил его в двадцатые годы, тогда в нем располагался отель. Высотой в два этажа, дом был обшит белым деревянным сайдингом, у него была зеленая скатная крыша и ставни в тон. На каждом окне красовался наружный ящик для цветов, где пышно цвели бальзамин и жимолость, как только миновала угроза ночных заморозков. Веранда вела к огромной входной двери с медным молотком, которым никто не пользовался. Внутри гостей встречал вестибюль, слева располагалась просторная столовая с люстрами из хрусталя, парчовыми обоями и окнами, выходящими на пляж и территорию курорта. По правую сторону находились зал для вечерних приемов и небольшие комнаты для занятий и игр. В задней части дома своей жизнью жила кухня, там постоянно что-то шипело и гудело по восемнадцать часов в сутки, наполняя воздух аппетитными ароматами. В когда-то роскошных номерах наверху раньше размещались гости, но теперь эти комнаты использовались для хранения вещей.

Джорджия и Дорис спустились по выкрашенным зеленой краской ступенькам, подбежали к Бетти и встали рядом с ней, как часовые.

– Твоя бабушка попросила нас убедиться, что в столовой все накрыто, – сказала Джорджия. – Поскольку ты опоздала. И я вижу, почему.

– Я не опоздала, – ответила Бетти. – Мне нужно было подготовиться. – Она повернулась к Джорджии. – Зейде сказал, что нанял несколько новых будущих старшекурсников. Я просто не могла надеть тот же наряд, который носила в средней школе.

– Боже упаси! – засмеялась Дорис. На ней была блузка из лёгкой рубашечной ткани в полоску, которую Бетти видела сотни раз. Впрочем, это не имело значения. У Дорис не было никаких планов на лето, кроме хорошего загара.

– Ты уже выглядишь как модный писатель, Бетти! – сказала Дорис.

– Редактор моды, – поправила ее Бетти.

– Держите, мисс Редактор. – Дорис протянула Бетти бумажную табличку с именем и булавку. Бетти прикрепила ее на груди с левой стороны, как и другие девочки. По крайней мере, ещё на одно лето ее сердце принадлежало Саут-Хейвену.

– Это лето будет потрясающим, – заявила Бетти.

Джорджия рассмеялась.

– Ты говоришь это каждый год. И работа здесь из года в год почти одна и та же.

Дорис подняла руки над головой, изображая прыжки «ноги вместе, ноги врозь».

– И раз, и два…

– В этом году все будет по-другому, – заявила Бетти.

– С чего бы? – спросила Дорис. Она казалась младшей сестрой, которой не было ни у Бетти, ни у Джорджии, хотя она была их ровесницей. Дорис, ростом четыре фута одиннадцать дюймов, была жизнерадостной и немного наивной девочкой, которая во всем видела светлую сторону. Она дружила со всеми, и все ей

действительно нравились. Бетти находила Дорис милой, но утомительной с ее романтическими представлениями о прекрасных принцах и счастье до гробовой доски. Бетти нравились мальчики – действительно нравились, – но она смотрела на вещи немного более практично.

– Помешанная на мальчиках Бетти ищет свою летнюю любовь. – Джорджия произнесла последнее слово с придыханием.

– Я уверена, что тебе будет из кого выбрать, – сказала Дорис.

– Я не ищу любви. Я просто люблю красивых парней. И я хочу повеселиться. – Чего на самом деле хотела Бетти, так это отправиться в Нью-Йорк и не выделяться там, как деревенщина.

– Я все равно не понимаю, почему ты думаешь о местных мальчиках, – сказала Дорис. – Ты встретишь парня, когда поедешь в Барнард. Студента Колумбийского университета. Может быть, кого-то, кто учится на врача или стоматолога. Или адвоката.

– Ты говоришь как бабушка, – ответила Бетти. Она покачала головой. – Я просто хочу провести чудесное лето, а что может быть великолепнее летнего романа? – спросила Бетти. Она повернулась к Джорджии. – Я бы сказала, что хочу завести интрижку, но это звучит очень грубо, – прошептала Бетти.

Джорджия кивнула, и Бетти поежилась от дуновения ветерка. Или предвкушения.

– Я встречу своего мужа в Чикаго, – заявила Дорис. В сентябре ее ждала работа продавщицей в магазине Маршалла Филда, и она собиралась жить в меблированных комнатах. – Не имеет значения, что ты будешь в Нью-Йорке. Конечно, мы по-прежнему будем подружками невесты друг у друга.

– Жизнь – это не только мальчики и замужество, – сказала Джорджия.

Дорис раскрыла рот, и, если бы у Бетти был персик, она могла бы засунуть его туда.

Джорджия, конечно, была права. Она собиралась в Северо-Западный университет в качестве слушателя подготовительных курсов при медицинском колледже. Она хотела стать врачом, и Бетти знала, что ее подруга своего добьется. Вот почему Джорджия понимала мечту Бетти о работе в глянцевом модном журнале, в отличие от других ее подруг. Дорис мечтала о работе в офисе и обручальном кольце, как и большинство девушек, которых знала Бетти.

Сначала Бетти планировала получить степень по английскому языку, а затем устроиться на работу журналистом и писать о моде в одном из журналов, которые она зачитала до дыр. Seventeen. Mademoiselle. Vanity Fair. Compact. А потом она собиралась подняться до должности редактора. Вот тогда-то у нее и появилась бы возможность высказывать свое мнение о тенденциях моды и красоты и о том, что женщины читают о них. Это был бы ее способ оказать влияние.

К тому же идея встречаться с мальчиками была для Бетти не на последнем месте. Вообще-то не с мальчиками, конечно, а с мужчинами, и, честно говоря, это было вторым по важности пунктом после ее карьеры.

Бабушка и Зейде хотели, чтобы «их девочка» получила образование и добилась успеха, даже если для этого ей пришлось бы покинуть Саут-Хейвен. Бетти и мечтать не могла о более добрых и щедрых бабушке и дедушке.

Джорджия расправила плечи, посмотрела на часы и улыбнулась Бетти, которая чувствовала себя так, будто находилась под защитой старшей сестры. Джорджия была ростом пять футов девять дюймов, и ее присутствие привлекало внимание. Ее рыжие волосы доходили до середины спины, а обруч из настоящего черепахового панциря удерживал непослушные пряди от лица, усыпанного веснушками. И глаза ее были изумрудно-зелеными, а не темно-карими. Она надела белую форму для тенниса, потому что была единственным тренером по теннису на курорте и не хотела, чтобы кто-нибудь из студенток решил, что может занять ее место.

Бетти пыталась уговорить Джорджию накрасить губы красной помадой, поскольку сегодня она не собиралась играть в теннис. «Яркий красный» от Max Factor выделил бы черты ее лица на фоне полностью белого ансамбля, но Джорджия остановилась на «Морском коралле» от Дороти Грей. Бетти вынуждена была признать, что Джорджия выглядела утонченной, и на мгновение ее кольнула ревность. Потом она вспомнила, что сама накрасила губы

красной помадой. Если этот цвет вполне подходил Элизабет Тейлор, то для Бетти Штерн этого было достаточно.

Бетти не была такой же эффектной, как Лиз, но славилась привлекательной внешностью. Она слышала это всю свою жизнь. Ростом она была пять футов четыре дюйма, но больше в ней не было ничего заурядного. Ее слегка волнистые волосы не нуждались в услугах парикмахера. Хотя сегодня она собрала их в красный шарф и завязала его, как та девушка с плаката, узлом наверху, вытянув несколько прядей вперед на лоб. Женственная фигура Бетти оформилась, так сказать, в десятом классе. Особенность Бетти заключалась в том, что она при этом была очень умной, получала одни пятерки и награды за лучшую посещаемость все четыре года учебы в средней школе Саут-Хейвена. Она усердно работала над своими оценками и была благодарна за признание со стороны сверстников. Ее одноклассники выбрали ее самой перспективной и самой красивой старшеклассницей. Это окончательно утвердило ее решение. Она всегда думала, что примет участие в конкурсе «Мисс Саут-Хейвен», когда ей исполнится восемнадцать, и бабушка с дедушкой поддерживали ее мечту. С такой уверенностью, а также учитывая, что любимица города, Нэнси Грин, путешествовала по Европе, у нее действительно мог появиться шанс на победу.

Зейде считал, что она станет бесспорным победителем.

– Проиграешь ты или выиграешь, для меня ты все равно останешься красоткой в купальнике, – говорила бабушка.

Бетти верила ей и встала немного прямее, думая о наследии «Мисс Саут-Хейвен», а также о том, что у ее бабушки с дедушкой появится возможность похвастаться своей внучкой, не говоря уже о бесплатной рекламе курорта.

Три машины показались из-за угла с востока, из открытых окон гремела музыка. Лето было всего в квартале отсюда.

– Как я выгляжу? – прошептала Бетти.

– Ты выглядишь шикарно, – ответила Дорис. – Как настоящая студентка колледжа. Жаль, что мне этого не дано. – Дорис поправила короткую песочного цвета челку, опустила руку. Ее клетчатая юбка больше подходила для зимы, чем для весны, но Бетти ничего не сказала.

Вместо того чтобы беспокоиться о наряде Дорис, Бетти волновалась о своем собственном. Может быть, она оделась слишком нарядно. Будут ли старшие девочки насмехаться над ней? Отвернутся ли мальчики? Она захватила с собой шорты и теннисные туфли, чтобы переодеться позже. Ей не нужно было разгружать машины и распаковывать чемоданы, но она действительно хотела смешаться с остальными во время ужина для персонала в столовой в тот вечер.

Пять машин въехали на кольцевую подъездную дорожку курорта, и еще три вывернули из-за угла. Они выглядели более блестящими, их моторы ревели громче, чем когда-либо, а, может, Бетти просто наблюдала и слушала внимательнее, чем раньше. Может быть, следующим летом она соберётся посещать летние занятия или устроится на работу в журнал в Нью-Йорке. Возможно, это последнее лето, когда она могла воспользоваться известностью своей фамилии, со всеми ее преимуществами и недостатками.

Хром и стекло сверкали и танцевали, как озеро на закате, а выхлопные газы наполняли воздух и растворялись вместе со звуками музыки, которая гремела из радио колонок.

Припарковав машины, ребята повыскакивали наружу. Влажный, древесный аромат лосьона после бритья, смешанный с медицинским запахом лака для волос, издавал тот же аромат лета и солнцезащитного крема фирмы Коппертон. Хотя Бетти была ошеломлена и переполнена эмоциями, ей не хотелось, чтобы это зрелище заканчивалось. Но когда вновь прибывшие направились к ее бабушке и дедушке, Бетти вышла из транса. Теперь в течение следующих нескольких месяцев в семье Штернов Бетти предстояло стоять на втором месте после персонала и гостей.

Она посмотрела через лужайку на своих бабушку и дедушку, но больше не видела их в толпе. Что Бетти заметила, так это то, что ни одна из других девушек не стянула волосы шарфом. Она чувствовала себя взрослой и немного вызывающей, когда повязала его вместо предложенной бабушкой жемчужной заколки, но теперь Бетти не была так уверена. Выглядела ли она модной или старомодной? Ее охватил озноб, хотя на улице было достаточно тепло. Май в Мичигане славился переменчивой погодой. По крайней мере, снега больше не было.

Именно в тот момент, когда Бетти подумала о снеге в мае, она увидела мальчика, при виде которого ее сердце замерло. Даже издалека он был красив, как кинозвезда, – опрятный и подтянутый, как и все мальчики, но с некоторой естественной развязностью, которая привлекала ее внимание, как магнит притягивает гвозди. На нем были коричневые брюки, белая рубашка с короткими рукавами и галстук. Должно быть, он был новеньким. Она не забыла бы это лицо. Эти плечи. Но она не видела, как он выходил из машины. Был ли он видением? Воплощением ее мечты? Он отличался смелостью в выборе своего стиля. Никто из остальных мальчиков не надел галстук. Теперь она узнала его! Своими ямочками на щеках и всем остальным он напоминал молодого Уильяма Холдена.

Бетти отстегнула бейдж с именем и оторвала свое наследие, став «Бетти Ш» вместо более узнаваемого «Бетти Штерн».

– Моя помада в порядке? – Она мысленно помолилась Max Factor, чтобы все выглядело лучше, чем хорошо.

Джорджия ухмыльнулась.

– Да. Все в порядке.

Бетти скомкала оторванную часть бейджа с именем и засунула ее за пряжку ремня. Джорджия наблюдала за ней.

– Что? Я просто хочу весело провести лето перед колледжем, – сказала Бетти.

Джорджия многозначительно поиграла своими идеально выщипанными бровями.

– Он слишком взрослый для тебя.

– О ком ты говоришь? – спросила Бетти, ее сердце неистово колотилось от открывающихся возможностей.

– О том, у которого ямочка на подбородке, острячка. – Джорджия указала на него кивком головы. – Я знаю тебя, Бетти. С этим парнем у тебя будут неприятности.

– Бетти не настолько глупа, – возразила Дорис. Милая Дорис. – Что ты скажешь, если твои бабушка и дедушка увидят это? – Дорис указала на бейдж с именем. – Хочешь, принесу тебе новый? Это займет всего секунду.

– Они не заметят, – ответила Бетти. Она посмотрела на своего Уильяма Холдена, разговаривающего с другими мальчиками, но не стоящего в их кругу. Он улыбнулся и кивнул, но держался на расстоянии нескольких ярдов от остальных.

Солнце приласкало икры Бетти своими лучами, согрев их весенним теплом. Забыв об ожоге на руке, Бетти вспомнила о своих ногах. Она повернула правую пятку к своду левой ноги.

– Это не конкурс красоты, Бетти. – Джорджия указала на ноги Бетти.

– Я просто тренируюсь для «Мисс Саут-Хейвен». Ты же знаешь, что в этом году я участвую.

Дорис хихикнула.

– Ты нам сто раз об этом говорила.

Бетти завела и сцепила руки за спиной, расправив плечи, выпрямилась. Она знала, как хорошая осанка выгодно подчеркивала ее грудь даже в блузке, застегнутой на все пуговицы.

– Ты покраснела! – воскликнула Дорис. – Твоя бабушка не обрадуется, что ты флиртуешь с персоналом.

– Спустись на землю, Дорис, – приструнила ее Джорджия. – Бетти просто развлекается. Он даже не смотрит в нашу сторону.

А потом он посмотрел, но так же быстро отвернулся обратно к девушкам, которые не были Бетти. Он стоял достаточно близко, чтобы девушки могли смотреть, но не прикасаться. Бетти расслабила плечи и вытянула руки вперед, скользнув повязкой, прикрывающей ожог, по бедру. Движение вызвало волну боли, но не такую сильную, как понимание того, что ее игнорировали. Или, что еще хуже, даже не заметили.

«Повернись, повернись, повернись».

Ничего не происходило.

«Повернись, повернись, повернись».

А затем он сделал именно это. Он не только обернулся, он увидел ее и улыбнулся так широко, что девушки поблизости обернулись, чтобы посмотреть, на что или на кого он смотрит.

Мурашки побежали по шее и вниз по телу Бетти, как мелкие крупинки града.

– Он смотрит на тебя, – сказала Джорджия.

– Он даже не притворяется, что не смотрит на тебя, ах ты соблазнительница, – сказала Дорис.

Бетти посмотрела прямо ему в глаза, насколько позволяла разделявшая их лужайка. Затем она подняла обе руки и развязала узел на своем шарфе, спустив ткань к шее. Он скользнул по ее плечам, и Бетти задрожала, даже не пытаясь скрыть этого. Она повела головой из стороны в сторону, медленно высвобождая каскад локонов.

Джорджия схватила шарф, скомкала его и сжала в ладони.

– Не переигрывай, Бетти. Все знают, кто ты такая.

– Не все, – ответила она.

Глава 4

Бетти

Первые выходные лета прошли в суматохе встреч и размещения гостей. Курорт, конечно, был заполнен до отказа, и Бетти приступила к своим летним обязанностям на курорте с тем же рвением, как и в прошлом году.

Во вторник ближе к вечеру она закрыла входную дверь дома и вприпрыжку спустилась по цементным ступенькам внутреннего дворика, юбка белого платья из поплина в рубчик колыхалась вокруг ее голеней. Солнце поцеловало ее пухлые щечки, уже порозовевшие от нанесенных румян. Вечер обещал быть великолепным.

Джорджия и Дорис ждали у обочины, обе разодетые, как и Бетти, в платьях, которые они когда-то приберегли для школьных танцев. Джорджия в лилово-фиолетовом платье со скромным V-образным вырезом и зауженной талией, туго перетянутой тонким белым пояском из лакированной кожи, выглядела так, будто сошла с разворота журнала Seventeen. Голубые глаза Дорис искрились, то ли от солнца, то ли благодаря ее желтому платью из тафты, Бетти не знала. Девочки последовали ее совету и нанесли помады тех оттенков, которые гармонично сочетались с их нарядами: Джорджия – темного красновато-коричневого цвета, а Дорис – светло-розового. Бетти отлично разбиралась в цветах и брендах! Ее подруги выглядели такими взрослыми. Неужели они видели ее такой же благодаря ярко-розовым губам и платью в тон к свитеру, который она застегнула только на шее, чтобы продемонстрировать декольте?

– Нас никто не узнает, – сказала Джорджия.

– Я думаю, смысл как раз в этом, – произнесла Дорис. – Эти мальчики и их семьи – верхушка общества. Мы же хотим, чтобы они смотрели на нас не как на обслуживающий персонал, а как возможные варианты.

Джорджия похлопала Дорис по плечу.

– Ты имеешь в виду, как потенциальных жен.

– Ну и что, если так?

Бетти уперла руки в бедра. Бабушка попросила Бетти и ее подруг выступить в роли хозяек на первой летней вечеринке с коктейлями, и именно туда они и направлялись. Девушки делали это раньше, болтали с гостями, рассказывали о

мероприятиях курорта и предстоящих развлечениях, выслушивали любые особые пожелания. Это мероприятие представляло собой отличное сочетание общения и выведывания нужной информации.

– Сегодня вечером, девочки, вам придется ограничить свой флирт. Мы должны поговорить со всеми. – Бетти неторопливо прошла вперед и оглянулась на своих подруг. – Это значит, не обделить вниманием мужей, жен и детей. А не только мальчиков нашего возраста.

Ее бабушка и дедушка устраивали эту коктейльную вечеринку каждый вторник в половине шестого, а затем, как обычно, подавали ужин гостям в половине седьмого. На кухне готовили ожидаемый ужин из четырех блюд. Суп, салат, четыре вида основных блюд на выбор – сколько хочешь, столько и бери – каждое с двумя гарнирами, и десертная тарелка на каждый стол. И все это подавалось до полуночного шведского стола, состоящего из выпечки, пирожных и фруктовых салатов, сложенных в арбузные лодочки, для женщин, которые притворялись, что следят за своей фигурой. Потворствуя таким ночным желаниям, кухонный персонал выставлял угощения, чтобы гости могли обслужить себя сами. Многие постояльцы заворачивали сладости в льняные салфетки и засовывали эти свертки в сумки, чтобы полакомиться ими по дороге в свои коттеджи.

«На курорте Штернов трехразовое питание плюс дополнительные закуски и десерты». Акцент на плюсе.

Выйдя на лужайку, Бетти остановилась.

– Прежде чем мы войдем туда, давайте договоримся. Если кому-то из нас нравится мальчик, остальные на него даже не смотрят, как всегда.

– Так и скажи, что ты просто претендуешь на того парня с ямочкой, – сказала Дорис. – Что, если он мне тоже нравится?

– Я постоянно вижу его в столовой, но так и не познакомилась с ним как следует. Я не могу просить своих бабушку с дедушкой представить меня, или спросить что-нибудь о нем, иначе они захотят знать, зачем мне это. По их мнению, этим летом я должна поработать на курорте и получше узнать свою соседку по комнате в Барнарде. На прошлой неделе я получила информацию о

распределении. Она итальянка. Из Нью-Джерси.

– Ух ты, как экзотично, – сказала Дорис.

– Забудь об экзотических соседках по комнате, – произнесла Джорджия. – Я познакомилась с твоим Уильямом Холденом.

Бетти захлопала в ладоши.

– Его зовут Эйб Барски, и он изучает архитектуру в Мичигане. А еще он в хоккейной команде. Очевидно, твой дедушка нанял его в последнюю минуту.

– У него есть девушка?

– Он не упомянул об этом в нашем десятисекундном разговоре. Я как раз направлялась на теннисный корт. Он проходил мимо и представился. Я предположила, что он возвращался в Особняк. Это было после обеда.

Особняк был самым большим коттеджем на территории курорта, и в то же время самым обветшалым. Он представлял собой некое подобие общежития, больше похожего на казарму, для обслуживающего персонала – с двухъярусными кроватями для двадцати юношей, водопроводом, туалетами, душевыми и раковинами. Особняк разительно отличался от обычных коттеджей курорта Штернов, больше походивших на гостиничные номера, которые Бетти видела в фильмах. Замок же представлял собой примитивное общежитие для женского персонала и был отделен от Особняка столовой для персонала. Мальчикам было запрещено посещать Замок, девочкам – Особняк, но поскольку из главного дома (а именно бабушке) эти здания видно не было, и они находились в удалении от гостевых коттеджей, Бетти подозревала, что это правило никто не соблюдал.

– Так мы договорились?

– Если это касается всех нас, – ответила Джорджия.

– Конечно! Давайте поклянемся на наших сердцах. – Бетти перекрестила свое сердце. Они так клялись еще с начальной школы. Для них это было самое серьезное обещание, которое они могли дать.

– Девочки! – раздался громкий голос с другого конца лужайки. Он принадлежал шеф-повару Гэвину, который работал у Штернов с тех пор, как Бетти себя помнила. Он был высоким мужчиной с широкими плечами и большим животом, наводившим на мысль, что Гэвину нравилась собственная стряпня. Бабушка никогда не доверяла тощим поварам. Даже Мейбл, которая работала на кухне (и помогала бабушке во всем), была довольно пухлой, как матушка Гусыня из любимой детской книжки Бетти. Шеф-повар Гэвин каждое лето приезжал в Саут-Хейвен из отеля в Майами-Бич, в котором работал зимой, а Мейбл выросла в Саут-Хейвене, как и большинство кухонного и обслуживающего персонала. Бабушка составляла меню, включающее любимые блюда семьи и рецепты из популярных поваренных книг. Она управляла кухней наряду с шеф-поваром Гэвином, но также полагалась на то, что он привнесет своеобразие, присущее кухне Майами-Бич, в ее мичиганское меню. Бабушка утверждала, что это выгодно отличает курорт Штернов от других курортов и повышает его престиж.

– Что вы там стоите? Быстро идите сюда! Мне нужна ваша помощь! – Шеф-повар Гэвин замахал руками в воздухе.

Девочки побежали на кухню, сердце Бетти бешено колотилось. Что-то случилось с ее бабушкой?

– Заходите! Это катастрофа! Смотрите!

Бетти затаила дыхание и вошла в холодный цех кухни, прямоугольное пространство, уставленное столами из нержавеющей стали, которые сейчас были заставлены десятками серебряных подносов, наполненных впечатляющим ассортиментом канапе. Она пристально посмотрела на шеф-повара Гэвина.

– Вы меня напугали! Я думала, моя бабушка лежит мертвая на полу!

– Мы все умрем, если эти канапе не будут украшены в течение следующих двадцати пяти минут. Кэтрин и Хейзел не явились сегодня на работу. Берите фартуки, девочки.

– Только не сегодня, – возразила Бетти, отступая назад. – Мы отвечаем за коктейльную вечеринку. Этого хочет моя бабушка. Она не хотела, чтобы мы работали на кухне. Посмотрите на наши наряды!

– Да хоть голые тут стойте, мне все равно, но работа должна быть сделана, – сказал шеф-повар Гэвин.

– Их там по меньшей мере тысяча, – прошептала Джорджия.

Бетти не нуждалась в напоминании. Она несколько лет чистила морковку и нарезала ее тонкими пластинами для наггетсов из фаршированной рыбы. Ее пальцы много раз были исколоты пластиковыми мини-мечами, предназначенными для фаршированных чесноком оливок, или разноцветными зубочистками, на которые она нанизывала сотни коктейльных сосисок и фрикаделек в кисло-сладком соусе, не говоря уже о шпажках, которыми скрепляла коктейльные лилии: ломтики болонской колбасы, завернутые в конусообразную форму с маринованным огурцом, торчащим из середины.

Бетти думала, что сегодня вечером они с девочками будут лакомиться закусками и вести светские беседы, а не накалывать и фаршировать канапе.

– Мне еще нужно закончить с корейкой, морковным цимесом и запеченной скумбрией, а твоя бабушка будет здесь с минуты на минуту. Я не собираюсь разочаровывать ее, Бетти. Ты это сделаешь?

Бетти отбросила мечтания и смирилась со своими обязанностям внучки хозяев курорта.

– Да, – ответила она.

Шеф-повар Гэвин кивнул и направился в дальний конец кухни. Бетти никогда бы не подвела бабушку. Если бы бабушка была здесь, она первой натянула бы фартук поверх шикарного платья и украсила бы тысячу канапе. Все это знали.

Бетти сняла с крючков у двери три чистых синих фартука и вручила по одному каждой из подруг.

* * *

– Я никогда больше не буду смотреть на петрушку так, как раньше, – вздохнула Дорис. Она уселась на скамейку возле кухни и прильнула к Бетти. Джорджия,

сидевшая по другую сторону Бетти, тоже наклонилась к ней. Если бы одна из них встала, остальные упали бы.

– Мы хорошо поработали, – отметила Дорис.

– Надеюсь, не слишком хорошо, – возразила Джорджия. – Напомни мне, чтобы в следующий вторник я, черт возьми, осталась дома.

– Простите, – извинилась Бетти. – Вы обе такие красивые, а теперь наши руки пахнут чесноком, и мы сидим тут вместо того, чтобы знакомиться с парнями.

– Ты когда-нибудь думаешь о чем-нибудь, кроме мальчиков? – спросила Джорджия.

– Да, знаешь ли, думаю. У меня есть планы. Но этим летом мальчики – моя основная задача. Ах да, и завоевать титул «Мисс Саут-Хейвен». – Бетти положила голову поверх головы Джорджи на своем плече. – Я искуплю свою вину перед вами, обещаю.

– Только пусть это будут не канапе, – сказала Дорис.

Незнакомый низкий голос донесся из кухонного окна.

– Хорошо поработали сегодня вечером, девочки.

Они обернулись, но в окне никого не было.

– Вот было бы здорово, если бы это был Эйб. Правда? – прошептала Дорис Бетти.

Она скрестила пальцы.

* * *

На следующее утро, когда Бетти услышала легкие шаги бабушки за дверью своей спальни, она натянула одеяло на голову. Дверь открылась.

– Пора вставать.

Бетти кивнула, дернув одеялом. Для бабушки этого было достаточно. Дверь не закрылась, но Бетти услышала, как бабушка спустилась по лестнице. Голос Зейде прорезал сырой утренний воздух.

Как только входная дверь закрылась, Бетти вскочила с кровати. Она выглянула в окно и увидела, как бабушка и Зейде вышли из дома. В общем-то она увидела лишь зонтики – два черных круга, один немного впереди другого, потому что бабушка компенсировала свой невысокий рост тем, что шла быстрее Зейде, который, казалось, никогда не возражал. Он гордился и восхищался своей успешной женой. Бетти знала, что большинство мужчин не похожи на Зейде.

Бетти застелила постель, оделась и бросилась вниз. Она набрала номер оператора. Семьям Бетти и Джорджии повезло, что они не пользовались спаренной телефонной линией. Иначе Бетти не смогла бы позвонить. Саут-Хейвен был слишком маленьким городком, чтобы люди знали о ее делах или, скорее, узнали еще больше, чем и так было известно. Джорджия должна была уже проснуться и начать распаковать новые товары в семейном магазине, прежде чем отправиться на курорт давать уроки тенниса (при условии, что дождь прекратится).

Серое небо было затянуто дождевыми тучами, нарушая планы Бетти. Она хотела подождать на теннисном корте, чтобы «случайно» официально встретиться с Эйбом. Теперь ей придется разработать новый план, да ещё терпеть переменчивое настроение гостей из-за плохой погоды, которое могло варьироваться от очаровательно беззаботного до совершенно ворчливого.

Если бы дождь зарядил на весь день, то Бетти и другим девочкам предстояло бы играть с детьми в карты и войнушку, учить их игре «веревочка», организовать игру «микадо» и устроить импровизированные кукольные представления. Все, что угодно, лишь бы маленькие спиногрызы не раздражали своих матерей и не мешали им играть в канасту, бинго или маджонг, курить сигареты и поедать ореховую смесь в шоколаде быстрее, чем Мейбл успевала насыпать ее в хрустальные чаши.

Знакомый звон – «дз-з-зын-дз-з-зын» эхом отозвался в трубке.

– Дом семьи Лемон, – ответила Джорджия.

Бетти подождала, пока не услышала щелчок оператора, отключившегося от вызова.

– Мне нужна твоя помощь.

– Ты где? – спросила Джорджия.

– Дома.

– Твоя бабушка не сильно обрадуется, что ты опоздала на завтрак.

– Все ее мысли сейчас заняты погодой. Дождь меняет планы на весь день, ты же знаешь. Они слишком заняты, чтобы беспокоиться. Она даже не особо пыталась меня разбудить.

– Не понимаю, с чего такая суматоха; это день игр в гостиной и бесконечных закусок для гостей. Кроме того, мы нянчимся с их детьми даже больше, чем обычно. – Джорджия никогда не стеснялась в выражениях. – Что тебе нужно? Как будто мне нужно спрашивать.

Бетти выпалила, прежде чем успела передумать.

– Я хочу, чтобы ты представила меня Эйбу перед сегодняшним костром. Хочу официально с ним познакомиться.

– Просто подойди к нему и представься сама. Ты внучка его босса.

– Не напоминай мне. Я хочу, чтобы это было похоже на случайную встречу. Но она не должна выглядеть спланированной. Большая часть персонала будет находиться в главном доме во время дождя, так что все будет идеально. Мне не нужно придумывать причину, чтобы ждать на теннисных кортах. Просто смотри в оба…

– Бетти?

– Не будь занудой, Джорджия. Пожалуйста.

– Дело не во мне. Во всем виновата матушка-Природа.

Бетти резко обернулась. Гигантский солнечный луч пробился сквозь серые тучи, открыв голубизну неба за ними. Дождь больше не барабанил по подоконникам и веранде. Двое детей в шортах, рубашках и резиновых сапогах прыгали и плескались в лужах на улице. Бетти отвернулась от окна и вцепилась в телефонный шнур, слезы разочарования защипали глаза. Телефон скользнул по прямоугольному столу «Парсон», чуть не сбив бабушкину маленькую чашу «Ленокс» с золотым ободком. Бетти уронила трубку, которая закрутилась вокруг нее.

Распутав провод, Бетти невозмутимо подняла и зажала трубку между плечом и ухом.

– Что ж, – сказала она. – Тогда придется сделать это самой.

* * *

Бетти перепрыгнула через еще невысохшие лужи по дороге в столовую, затем замедлила шаг, поправила свое темно-синее платье с запа?хом и пригладила волосы, которые до этого собрала в конский хвост.

Она улыбалась, проходя мимо гостей. Сердечность, которую она чувствовала в ответ, напоминала ей, что эти люди были не просто гостями. Бетти выросла на их глазах, и они участвовали в ее жизни. Она играла, ела и развлекалась со своими сверстниками, даже когда начала работать летом. Конечно, мужья платили за благоустроенные коттеджи и дни, наполненные едой и развлечениями, но бабушка и дедушка щедро осыпали постояльцев вниманием, уделяя им свое время в дополнение к развлечениям и еде. Соответственно, искренняя близость окутывала дом, точно так же, как каждую Пасху вышитая бабушкой вручную скатерть покрывала их удлиненный обеденный стол – нечто уникальное и особенное, принадлежавшее только им.

Ее сердце замерло, когда три постоялицы прошли мимо, о чем-то тихо хихикая и улыбаясь друг к другу. Одна из дам достала пудреницу и на ходу подкрасила

губы помадой. Бетти усмехнулась, зная, что сделала бы то же самое. Они напоминали Бетти ее саму с Джорджией и Дорис. Она знала, что по крайней мере они с Джорджией в ближайшее время не станут «хозяйками дома». И все же ей нравилось видеть этих женщин вместе, они, словно зеркало, показывали Бетти и ее подруг в будущем.

– Сегодня утром гимнастика на веранде, дамы, – сказала Бетти. – Газон слишком мокрый. Увидимся позже.

Они посмотрели на Бетти, кивнули и снова вернулись к своему разговору.

Когда завтрак подходил к концу, бабушка и Зейде обычно болтали с семьями, которые задерживались за чашкой кофе. К тому времени гости уже полакомились рогаликами с лососем, яичницей-болтуньей, блинами, кофейным тортом или всем вышеперечисленным сразу. Даже женщины, заказавшие дыню и творог, скорее всего припрятали в своих сумочках пару слоек. Помощники официантов начинали убирать белые льняные скатерти, заляпанные кофе и маслом, а гости отправляли своих детей к вожатым на утренние игры, художественные проекты и хоровое пение. Дети оставались там до самого обеда, пока их не сопровождали обратно к своим семьям.

Бетти подошла к столу, у которого ее дедушка громко разговаривал и эмоционально жестикулировал. Зейде рассказывал последние сплетни о местных фермерах, жалуясь на стоимость фермерской продукции и хвастаясь качеством кошерных продуктов, которые они покупали. Он также любил рассказывать о том, как они с бабушкой построили курорт Штернов «с нуля». Некоторые из давних постояльцев слышали эту историю много раз и закатывали глаза, но всегда по-доброму. Все слушали, потому что все любили Зейде. Он помнил всех и вся – от дней рождения и юбилеев до мельчайших предпочтений и проблем со здоровьем. Зейде знал о том, кто предпочитал класть в чай два, а кто три кусочка сахара. Это было одновременно и хитростью, и приятным бонусом для гостей Штернов, но не всегда для его внучки. К раздражению некоторых, он также не забывал о неоплаченных счетах и проблемах с кишечником.

Бетти заметила, что вместе с Зейде у стола стоял еще кто-то. Высокий и стройный, блестящие волосы зачесаны назад, руки в карманах. Она узнала этот профиль. Ей стоило бы обрадоваться, что она снова видела своего друга детства, с которым проводила время и играла каждое лето, но два года назад

Марв Пек был влюблен в нее, а, может, это были сплетни. Он ее не интересовал в этом плане. Неловкость повисла в воздухе, омрачив остатки ностальгии по игре в прятки.

Бабушка улыбнулась и махнула ей рукой.

– Доброе утро, – поздоровалась Бетти. Она поцеловала в щеку сначала Зейде, а затем бабушку. – Здравствуйте, миссис Пек. Приятно снова видеть вас у Штернов.

– Рада снова быть здесь, Бетти. Я сказала Стэнли: «Я не собираюсь еще одно лето изнемогать от жары в Скоки». Поэтому мой Марвин предложил составить мне компанию, – миссис Пек подмигнула. Ее макияж был слегка ярким для утра, но, вероятно, причиной тому было увлечение коктейлями «Пинк Сквиррел» (с дополнительной порцией коктейльных вишен), которыми, как известно, она любила побаловаться по вечерам в баре.

– Привет, Марв. Я думала, ты сейчас работаешь в обувных магазинах своего отца. – Марву было двадцать, и он сразу же занялся семейным бизнесом, не получив высшего образования.

– Вообще-то управляю, но отец не хотел, чтобы мама оставалась одна, – ответил он.

В разгар лета на курорте отдыхало около сотни гостей, которых обслуживало полсотни человек, так что Берта Пек никогда не осталась бы одна.

– Осенью я займусь нашим новым магазином в Чикаго, – продолжил Марв.

– Если все пойдет хорошо, – прошептала миссис Пек.

Бетти не знала, было ли это предупреждением или пожеланием. Неважно. Они с Марвом играли вместе в далеком детстве. Теперь он был гостем.

– Почему бы тебе не посидеть с нами? – спросил Марв. – Твои бабушка и дедушка рассказали нам, что тебя приняли в Барнард. – Он отодвинул пустой стул справа от себя, но Бетти похлопала Зейде по плечу, и он, посмотрев на внучку, взял ее

за руку. Обычно летом ее дедушка не обращал на нее особого внимания, поэтому этот жест заставил Бетти почувствовать себя так, словно она выиграла миллион долларов.

– Я собираюсь учиться в Барнарде, – сказала Бетти.

– Твои бабушка с дедушкой такие великодушные. И современные, – отметила миссис Пек.

– Это правда, – согласилась Бетти. Она надеялась, что досада, зарождавшаяся внутри нее, не прозвучала в ее голосе.

– Бетти? – Марв сел, обхватив рукой спинку соседнего стула, и похлопал по сиденью. Ей хотелось бы почувствовать нотки ностальгии, но этого не произошло. Бетти мечтала завести летний роман с парнем из колледжа, а не с Марвом Пеком. Два лета назад она пыталась убедить себя, что он ей нравится, действительно пыталась. Но не получилось.

– Спасибо, но я не могу. Мне уже пора на занятия по гимнастике. Нужно еще подготовиться. Нельзя опаздывать. – Бетти посмотрела на бабушку.

– Давай прогуляемся сегодня вечером, Бетти. – Марв поднялся со своего места, как будто это делало предложение более заманчивым.

Бетти вздрогнула и понадеялась, что никто этого не заметил.

– Я собиралась пойти с девочками посмотреть на костер.

– Отлично, мы можем составить им компанию, а потом прогуляться по пляжу.

– Это разрешено только персоналу.

– Бетти!

Даже малейший упрек со стороны Зейде был ей ненавистен. Его любимым выражением было: «Дайте гостям то, что они хотят».

– Тогда встретимся в девять? – Бетти посмотрела на Зейде, и тот кивнул.

– Не слишком ли поздно? – спросила миссис Пек.

– Я бы хотела сначала закончить ужин с бабушкой и дедушкой, сопроводить некоторых детей на их вечерние занятия и сходить домой переодеться.

– Моя Бетти – всегда такая умница, – похвастался Зейде.

– Превосходно, – ответил Марв. – Увидимся в девять.

Шикарно.

Глава 5

Бетти

Языки пламени танцевали и мерцали в ночном воздухе. Оранжевые искры взлетали вверх к иссиня-черному небу и исчезали, словно падающие звезды. Звуки смеха окутали Бетти. Она видела эти костры из окна своей спальни, сидела на крыльце, страстно желая присоединиться, но никогда не чувствовала их ритма. Поначалу Бетти подумала, что это музыка – Нэт Кинг Коул, Патти Пейдж, Тони Беннетт – доносится из колонок портативного радиоприемника, установленного на красном металлическом авто-холодильнике. Нет, это больше походило на всеобщее громкое сердцебиение, наполненное предвкушением, флиртом и беззаботной радостью. По телу Бетти побежали мурашки.

Тепло от огня согревало воздух, который в начале июня все еще мог быть довольно прохладным после наступления темноты. Бетти сняла свитер и перекинула его через руку. Марв стоял рядом с ней и не сводил глаз с костра. Сожалел ли он о том, что пришел сюда, когда никто не обращал на него никакого внимания? Бетти переводила взгляд с одного лица на другое. Она не видела Эйба. Может, так было лучше. Она могла бы завершить свою прогулку с Марвом и вернуться одна. Несомненно, Эйб будет тут позже.

Парочки уже завернулись в пляжные покрывала, отвернувшись к озеру. Некоторые смотрели друг на друга. Дорис танцевала медленный танец с одним из официантов. Джорджия стояла в кругу с другими девушками и болтала, скорее всего о мальчиках, расположившихся группой неподалеку.

Марв положил руку на плечо Бетти.

– Давай прогуляемся.

Бетти отстранилась. Она хотела остаться здесь, хотела познать и насладиться острыми ощущениями всего, что ее окружало.

– Я бы хотела остаться.

– Твои бабушка с дедушкой думают, что ты пошла на прогулку со мной.

– Ты прав. – Последнее, что Бетти было нужно, это чтобы Марв нажаловался своей матери, что Бетти не подходит для «свидания». Бетти подняла руку, чтобы помахать, но никто на нее не смотрел. Она повернулась к девушке, стоявшей рядом с ней.

– Было весело.

– Все безумство начнется позже. – Девушка прикусила нижнюю губу и затараторила. – Конечно я не имела в виду безумство как что-то неприличное. Просто больше веселья. Но, ну…

Конечно же, она знала, кем была Бетти и, вероятнее всего, боялась, что она принадлежала к тем людям, которые портят всем веселье, или была шпионом для бабушки и дедушки.

– Потрясающе, – ответила Бетти. – Я не собираюсь никого выдавать. – Она поняла, что ее бабушка с дедушкой, должно быть, уже знали о том, что происходит на пляже. Они хотели, чтобы были счастливы не только гости, но и обслуживающий персонал. «Счастливый персонал» – это тоже было частью девиза Зейде.

Девушка сжала локоть Бетти.

– Ты просто лапочка. Я – Барбара. И я знаю, что ты Бетти. А как зовут твоего милого?

– О, он не…

– Марв Пек, приятно познакомиться, Барбара. Идем, Бетти, нам пора. – Он похлопал ее по руке. Когда они отошли от костра и направились к маяку, он снял с ее руки бледно-голубой кардиган и накинул ей на плечи. Да как он посмел вести себя так, будто они были парой? Бетти сдернула свитер и перекинула его обратно через руку.

Несмотря на свое раздражение, Бетти сразу же завела разговор о новых шезлонгах и зонтиках на пляже, о музыкальном таланте одного из сотрудников обслуживающего персонала, который пел после ужина, об их любимых десертах (у Марва – яблочный пирог, а у Бетти – черничный). Она оставалась вежливой, хотя ей стало скучно, и она изнывала от желания вернуться к потрескивающему пламени и всему, что его окружало.

Бетти переоделась, сменив наряд из хлопчатобумажного сатина персикового цвета на зеленые бриджи и тонкую клетчатую рубашку, завязанную на талии. Марв снял костюм и надел повседневные коричневые брюки и классическую рубашку.

Два года назад Бетти полагала, что у них с Марвом, возможно, были какие-то общие интересы, помимо воспоминаний о детских играх. «Популярная обувь Пека» являлась, в сущности, бизнесом, ориентированным на моду. И если и было что-то, что Бетти любила и уважала, не считая, конечно, бабушки и дедушки, так это мода. Бетти попыталась описать последние весенние и летние фасоны, но Марв отказался говорить о бизнесе.

– С чего это ты так интересуешься обувным бизнесом? – поинтересовался Марв.

– Я многое знаю о модных вещах и косметике, – ответила она. – И не только о том, как их носить. Когда-нибудь я стану журналистом и редактором модного журнала. – Она была в этом уверена с девятого класса, когда написала статью о красоте в школьной газете: «Популярные образы для современных девочек».

Марв усмехнулся.

– Неужели?

Бетти захотелось дать ему пощечину.

– Да!

– К тому времени, как ты закончишь колледж, тебе будет двадцать два. Все твои подруги уже повыходят замуж.

– Ну и молодцы.

– Разве ты этого не хочешь? Мужа, дом, детей? Все девушки этого хотят.

– Конечно, – ответила Бетти. – Со временем. Но еще хочу получить образование. Сделать карьеру. Хочу счет в банке. Независимость. И тогда я смогу предложить своему мужу нечто больше, чем просто красивую улыбку и приданое.

– Между прочим, это все, чего хотят парни.

«Только не те, которые нравятся мне». Бетти развернулась.

– Я хотела бы пойти домой.

Когда Марв на следующий день пригласил Бетти на вторую «прогулку», она отказалась.

И все же сейчас она прогуливалась с Марвом Пеком.

– Ты настоящая красавица, Бетти.

Бетти посмотрела на Марва. Внимательно посмотрела на этого молодого человека, которому, казалось, действительно нравилась, хотя его слова и действия были ошибочными. Его рост составлял примерно пять футов

одиннадцать дюймов. Она знала это, потому что он был чуть выше Джорджии. Рубашка свободно сидела на его узких плечах. В тот момент, глядя на него, она надеялась, что он станет крепче. Это помогло бы ему выглядеть более мужественным, более взрослым, более представительным. Ей было интересно, каким авторитетом он пользовался в сети магазинов своего отца. Бетти нравилось думать, что у него была и другая сторона, та, которая привлекла бы такую девушку, какую он хотел – с улыбкой и приданым, но без мозгов и амбиций.

– Я бы хотела этим летом просто остаться друзьями, – сказала Бетти.

– Ой. Ты действительно знаешь, как обидеть парня.

– В сентябре я собираюсь в Нью-Йорк, так что нет смысла затевать что-то другое.

– Пока.

– Нет, Марв, нет никаких «пока». Я собираюсь учиться в Барнарде и остаться в Нью-Йорке. Я не вернусь в Саут-Хейвен. – В Мичигане не было работы в журналах. Никакого Мичигана для Бетти. – Мои бабушка с дедушкой поддерживают меня. – Ей хотелось топнуть ногой, но она понимала, что это будет выглядеть по-детски и опровергнет ее точку зрения.

Он усмехнулся так же, как и раньше.

– Ладно.

Бетти зашагала быстрее – по песку это было нелегко. Марв догнал ее.

– Я всего лишь дразню тебя, Бетти. Не будь такой обидчивой.

– Я думаю, что дразнить кого-то по поводу их надежд и мечтаний – это не очень хорошо. Знаешь, как упорно я трудилась, чтобы меня приняли в Барнард? Скольким мои бабушка с дедушкой жертвуют, чтобы отправить меня туда? Ты повел себя грубо. Я сказала, что хочу остаться друзьями, хотя могла просто сказать «отвали». – Она моментально разозлилась на пренебрежение Марва, но в то же время пришла в ужас от того, что он мог оказаться прав, что она не

имела права покидать свою семью, хотеть чего-то большего, чем то, что можно было найти здесь на пляже или дома.

Нет. Он ошибался. Она могла бы получить все это. Именно в это ее учили верить, и бабушка с Зейде не лгали. Даже ее вечно отсутствующие родители поддерживали данное решение, и именно это единственное, что до сих пор заставляло ее сомневаться в правильности выбора.

Вдалеке Бетти увидела отблеск костра.

– Вообще-то, Марв, я возвращаюсь к костру, но тебе не нужно меня провожать. Я вполне могу сама справиться.

* * *

Вернувшись к ребятам, Бетти увидела, что несколько парочек медленно танцевали в обнимку, что могло бы заставить Бетти покраснеть от смущения, если бы она не завидовала тому, что они уже нашли своих возлюбленных на лето. Они раскачивались из стороны в сторону, несмотря на то, что радио не работало. Другие парочки лежали на пляжных покрывалах, как когда-то она с Робертом Смитом, только здесь, казалось, никто ни на чем не останавливался. Они завернулись в покрывала и прикрылись, но тем не менее.

Марв был на полшага позади нее, а теперь встал рядом.

– Бетти, подожди, – попросил он.

Он последовал за ней. Они находились всего в нескольких футах от группы, которая не обнималась и не танцевала.

Проклятье. Она остановилась и повернулась к нему, сомкнув руки перед собой. Она делала так, когда начинала некстати нервничать.

– Прежде чем ты что-нибудь скажешь, – произнесла Бетти, – я не расскажу своим бабушке с дедушкой о том, что ты сказал. Ты им нравишься, и я не собираюсь быть той, кто это изменит.

Марв осторожно потянул ее за руки.

– Пока мы можем быть просто друзьями.

– Да ты меня не слушаешь, – возразила Бетти.

– Я полагал, что привилегия женщины – менять свое мнение.

– Так и есть. Но я этого не сделаю.

Марв провалился в песок – или каким-то образом стал казаться ниже.

– Ну и ладно. Может, пожарим зефир на костре? Как друзья?

Настроение Бетти сразу улучшилось, хотя, казалось, он слишком легко с ней согласился.

– Конечно. – Она хотела ответить ему: «Нет, черт побери», но ей приходилось считаться со своей репутацией внучки Штернов.

Три девушки держали палочки над углями, их зефир потихоньку подрумянивался. Марв и Бетти встали напротив них с другой стороны.

– Осталось две, – раздался сзади низкий голос, и между Бетти и Марвом появилась открытая бело-голубая коробка зефира для костра.

Бетти обернулась, чтобы поблагодарить принесшего зефир, и резко повернулась обратно к костру. «Святые небеса». Это был он. Эйб.

– Спасибо, – сказал Марв. Он сунул руку в коробку, затем обратился к Бетти. – Пойду возьму пару палочек. – Он отошел в сторону. Что же теперь оставалось делать Бетти? Она не должна была встретиться с этим парнем, когда была на свидании с кем-то другим. Но в том, чтобы быть вежливой, не было ничего плохого. «На добрый привет – добрый ответ», – говорила бабушка.

Бетти повернулась, чтобы высказать свою благодарность за последние две зефирки, и уставилась прямо в квадратный подбородок с ямочкой, покрытый легкой светлой щетиной. Парень придвинулся ближе. Ей следовало отойти назад, но она осталась на месте, поэтому своим телом он занял все пространство, которое должно было существовать между ними. Бетти вдохнула ментоловый запах средства после бритья, и ей захотелось задержать дыхание и удержать его внутри. Но она лишь тяжело вздохнула и произнесла: «Спасибо!» – а потом подняла глаза и оказалась так близко к нему, что даже в темноте разглядела в его голубых глазах золотые искорки. Или, возможно, это было отражение костра.

– Всегда пожалуйста.

По телу Бетти пробежал холодок, хотя голос парня звучал так, словно был согрет огнем. Он был глубже и мягче, чем тот, который она слышала из кухонного окна. Как будто тогда он прозвучал как непринужденное высказывание, а эти два слова были осознанными и взвешенными. Его тон окутал и успокоил ее, одновременно вызвав мурашки на коже. Парень улыбнулся, и на его щеках появились ямочки, словно она попросила их показаться и поиграть. На нем была классическая рубашка, небрежно расстегнутая в пляжной манере и открывавшая взору майку, будто он только что накинул ее после купания. Рубашка свободно свисала поверх шорт цвета хаки, но не скрывала его плеч, таких же широких, как у всех футболистов, каких она видела. Теплый древесный аромат огня доносился в их воображаемое укрытие. Бетти могла только улыбнуться ему в ответ.

– Я все гадал, увижу ли тебя снова, – прошептал он. Его тихий тон не изменил того влияния, которое оказывал на нее. – И не только с другого конца столовой. – Щеки Бетти зарделись румянцем, но она не могла свалить это на костер. Он заметил ее. Думал о ней. – Кажется, ты отлично оправилась после пережитого испытания с канапе.

Дорис была права – его голос совпадал с тем, который они слышали из окна кухни. Если бы это был кто-то другой, все могло показаться довольно жутким, но Бетти хотела именно этого. Чтобы он заметил ее. Она оглядела место костра в поисках Марва, тот держал зефир над огнем и разговаривал с Элеонорой Розен, вернувшейся к Штернам в качестве детского воспитателя на второй год. Элеонора пользовалась популярностью среди официантов, хотя Бетти знала, что не стоит верить кухонным сплетням.

– Твой парень выглядит увлеченным, – сказал Эйб.

– Он не мой парень. И почему все считают, что он мой парень?

– На случай, если ты не заметила, обычно люди не приходят на подобные мероприятия в одиночку. А если и приходят, то покидают их не одни. – Он вопросительно поднял брови, и Бетти отвернулась, поджав губы. Она была шокирована. Он был таким дерзким! Ей стоило бы возмутиться, что он разговаривал с ней в таком недвусмысленном тоне еще до того, как они должным образом познакомились, но ее сердце заколотилось, а по коже пробежал трепет восторга, что она находилась с ним на расстоянии прикосновения. И слышать, как он говорит о романтике вокруг них? Лицо Бетти снова вспыхнуло румянцем. «Возьми себя в руки!»

– Наверное, я об этом не подумала. – Бетти обернулась. О, все она прекрасно понимала.

Она думала об этом многие годы. Именно поэтому ей не стоило просить Марва проводить ее сюда. Возможно, она дала ему ложную надежду, но в противном случае, ей не удалось бы встретить своего «мужчину у костра». Да, это звучало более уместно, чем «зефирный мужчина». Поскольку он совсем таким не был.

Марв вернулся с одной палочкой, на конце которой было нанизано две зефирки. Он протянул их Бетти.

– Спасибо, – поблагодарила его Бетти.

Бетти пробовала зефир, плавающий в горячем какао дома у Джорджии, но она никогда не лакомилась подрумяненным на огне. Как-никак, зефир был трефной пищей, а бабушка и дедушка не могли подавать гостям курорта ничего, кроме кошерной еды, и дома его тоже не держали. Бетти поверить не могла, когда узнала, что в зефире содержится желатин, а желатин производили из свиных костей.

Но запретный плод чаще всего был самым сладким.

– Кто твой друг, Бетти? – спросил Марв, снимая с палочки ниточки расплавленного зефира, и кивнул в сторону ее «мужчины у костра».

– Эйб Барски. – Он протянул руку. – Я новый официант, помимо всего прочего.

Марв неловко повозился с палочкой и пожал руку Эйба.

– Марв Пек. Я давний друг Бетти, помимо всего прочего. – Он обнял нелипкой рукой Бетти за талию, но она скользнула в сторону, прочь от его объятий. Марв засунул руку в карман брюк. Он казался маленьким по сравнению с Эйбом, чьи руки были похожи на руки боксеров, увиденных ей однажды на показательном матче, на который ее пригласили на свидание. Свидание оказалось неудачным, но там было несколько довольно симпатичных боксеров (в смысле до матча).

– Бетти, позволь мне проводить тебя домой, – сказал Марв.

– О боже мой, она живет в двух шагах отсюда! – воскликнула Элеонора, неторопливо подходя к Марву сзади в цветастом купальнике на бретельках, ее прикрывало только полотенце, которое она обернула вокруг талии. Для купания было слишком поздно и слишком холодно, но Элеонора всегда находила подходящий момент, чтобы продемонстрировать свои изгибы и декольте. Бетти стоило бы смутиться смелым бахвальством Элеоноры, но она была очарована ее уверенностью.

Элеонора толкнула бедром Марва.

– Она уже больше не крошка Бетти Штерн, так ведь? Наша маленькая девочка совсем выросла. По крайней мере, так говорят.

Теперь Бетти уже не была так очарована резкими словами Элеоноры.

Марв и Элеонора усмехнулись. Бетти нахмурилась. Эйб покачал головой, но не столько с неодобрением, а больше как бы оценивая ситуацию и вовлеченные стороны.

– Я еще не собираюсь уходить, – ответила Бетти.

– Марв, можешь проводить меня домой, – Элеонора, чьи каштановые волосы были уложены в стиле Мирны Лой, уставилась на Бетти, ожидая, осмелится ли та возразить. Элеонора перевела взгляд на Марва, на Эйба, снова на Бетти и улыбнулась. «Да забирай его себе».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Цурис (идиш. tsuris) – «заморочки»; неприятности, проблемы.

2

Шмата (идиш. shmata) – тряпка.

3

Кинехора, Кинехора, пу-пу-пу (идиш. Kinehora, kinehora, poo-poo-poo) – еврейское суеверие, традиция отгонять злых духов. Подобно русскому «постучать по дереву» или «плюнуть через левое плечо».

4

Боббэ (идиш. bubbe) – бабуля, бабушка.

5

Шикса – нееврейка, часто пренебрежительный термин для нееврейской женщины или девочки.

6

Мазель тов (идиш. Mazel tov) – Удачи! Пожелание счастья, поздравление со счастливым и значительным событием.

7

Ой вей (идиш. Oy vey) – фраза, выражающая боль, недовольство, тревогу, раздражение.

8

Менш (mensch) – приличный человек.

Купить: https://tellnovel.com/ru/natan_emi-s-yu/povoroty-sud-by

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить